

Владимир Синельников

Приключения порученца

или

тайна завещания Петра Первого

исторические фантазии из времен царствования

Императора Петра Алексеевича

+16 содержит нецензурную брань

Владимир Синельников

**Приключения порученца, или
Тайна завещания Петра Великого**

«Книга-Сэфер»

2015

Синельников В.

Приключения порученца, или Тайна завещания Петра Великого /
В. Синельников — «Книга-Сэфер», 2015

Авантюрный роман в жанре альтернативной истории. Офицеры молодой русской армии, казаки, беглые холопы, исторические персонажи «гнезда петрова» по воле автора, следуя за его искрометной фантазией перемещаются от Петербурга до Алжира, от Стамбула до Украины... Любовь, страсти, дуэли, грабежи, морские и сухопутные сражения, побеги из плена – все перемешалось в тугой клубок. А в центре – судьба «арапа Петра Великого» – то ли сына, то ли воспитанника Петра... а далее – к Пушкину... возможному законному наследнику трона Петра... Роман не оставит равнодушным читателя.

© Синельников В., 2015

© Книга-Сэфер, 2015

Содержание

Книга первая	6
Часть первая: Абрам Петрович	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвёртая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Глава восьмая	23
Глава девятая	28
Глава одиннадцатая	30
Глава двенадцатая	35
Часть вторая	44
Глава первая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Синельников

Приключения порученца, или Тайна завещания Петра Великого

© Издательство Книга Сефер 2015

© Владимир Синельников, 2015

* * *

*И сказал ему я: «Для радости тех,
что живут со мною на земле,
я напишу книгу, – пусть на её листы
не дуют холодные ветры времени,
пусть светлая весна моих стихов
никогда не сменяется холодной осенью забвения!...
И посмотрите, я ещё хожу без клюки,
а книга «Гюлистан», что означает «Цветник роз», уже написана
мною и ты читаешь её...
Саади*

Книга первая Сыновья

«Над вымыслом слезами обольюсь...»
(А. С. Пушкин)

Часть первая: Абрам Петрович

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Муjsала с гением Петра.
.....
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь.
Так тяжёлой млат,
Дробя стекло, кует булат.*

А. С. Пушкин «Полтава»

Глава первая Царёв наказ

*Рассказывают также, что один простак шёл, держа в руке узду
своего осла, которого он вёл за собою...
Триста восемьдесят восьмая ночь Шехерезады*

Зимой 1704 г. унтер лейтенант, царёв порученец, Алексей Синельник ехал со специальным поручением царя Петра к графу Петру Толстому в Стамбул. Перед поездкой у унтер лейтенанта была личная беседа с Государём, причём ни министры, ни новая пассия государева, солдатская девка – Марта Скавронская, не были допущены к беседе, говорили один на один, вернее говорил только Пётр, – унтер лейтенант молчал и боязливо озирался.

– Значит так, поедешь окружной дорогой, через Казань и Астрахань, на Дону, тем более в Азове, не появляйся. Схватят, будут пытаться – молчи, иначе вся твоя семья повешена будет. О поездке никому ни слова. Едешь один, только с денщиком, будешь говорить, что в Персию едешь с дипломатической депешей, на всякий случай, вот она, так ерунда, но делай вид, что дело важное и не требующее промедления. В Царьграде встретишься с Толстым и Саввой Рагузинским. Они должны выполнить моё поручение – забрать из гарема отрока эфиёпского – Абрашку и тайно переправить его в Петербург, прямо ко мне. Случись по дороге оказия, или басурманы догонят, или ещё кто, и Абрашка, и граф и этот прохиндей Савва, должны будут быть тобой умервщлены, тайно и без следов. Нигде водки не пей, в кабаках не сиди, сошлись на хворь, ещё лучше на дурную болезнь или французскую заразу. Особенно бойся Мартиных и Сашкиных Меньшикова людишек. Распознаешь их по настырности их, в дружбу будут набиваться, разговоры вести, да вино пить будут предлагать. Ты сразу, мол не могу, поскольку французской заразой занемог. Какую-нибудь язву себе изделай, что б показать.

Если дело хорошо сделаешь, и Абрашка оный здесь будет, получишь милость мою, повышение и две тысячи в придачу. Если нет, то ждёт тебя и семью твою судьба лютая. А выбрал я тебя для такого деликатного дела, что ты уж больно незаметен и невзрачен, но служака верный и отзывы о тебе из полка хорошие. Помню я тебя ещё по Азову, добрый ты казак. Да и службу твою с подкопом не забыл.

Государь нахмурился, правый ус приподнялся, обозначая ту самую страшную улыбку, перед которой трепетала вся Европа, улыбка – гримаса, после которой следовал приступ страшной ярости, смертельной и беспощадной. Унтер лейтенант мертвенно побледнел, его охватила липкая слабость, но гроза миновала и Пётр опять пришёл в то состояние, которое свидетельствовало о деятельности и энергии, способной найти выход из безнадёжного, казалось, положения и перед которой не могло устоять ни одно препятствие на его пути.

Дело в том, что на прошлой неделе получил Пётр от посла государева в Османской Империи, Петра Андреевича Толстого, странное послание. Оно ввергло Петра в панику. Толстой сообщал, что де гулящие по морю людишки возле города Алжира захватили голландский фрегат, везший богатые подарки в Венецию, и среди прочего захватили и фрейлину королевского двора и ейную служанку, молодую особу африканского происхождения с двумя детьми. Один из них, по имени Абрам, 6 лет от роду был посветлее и отличался не африканской грацией, широкой костью, мягкими, слегка выющимися волосами. Служанка та, из страха быть проданной в рабство, сообщила разбойникам, что она де была в близости с русским царём, и мальчик тот – особа царского происхождения. Девушка та голландская была отправлена в Алжирский притон, а мальчик с матерью служанкой проданы Султану. И ещё, при стамбульском дворе под руководством Ахмеда-паши вовсю обдумывают воспитание одного Абрашки, как Лжедмитрия, для создания смуты и братоубийственной войны в русских пределах.

О послании том прознал Сашка Меньшиков. Он посоветовал Государю одного Абрашку умертвить и таким образом отвести угрозу от Руси. Но что-то мешало Петру принять это решение. Скорее всего то чувство одиночества, отсутствие поддержки со стороны непутёвого сына Алексея, и смутное воспоминание о юной и грациозной негритянке, которую он облюбовал при голландском дворе. Тоненькая, грациозная, как лань, горячая как африканское солнце, с огромными бездонными чёрными глазами, она оставила в его сердце щемящее воспоминание. Нет, он сделает всё возможное, что бы сохранить этого сына, что бы он был рядом с ним.

– Ты понял?

– Так точно, только..., Государь, мне бы грамоту какую-нибудь.

– Я те дам грамоту! Ты есть тайный царёв человек. Это дело чрезвычайной деликатности. Если попадёшься, или чего доброго, продашься – пеняй на себя. Всё, пошёл вон!

При выезде с Московской Заставы Алексей ничего подозрительного не заметил. Он решил ехать не на Москву, а сначала на, Галич, потом на Кострому, и дальше на Казань, на Астрахань и Дербент.

Серые леса утопали в снегу. Неяркое морозное солнце тускло освещало окрестные поля и леса. Серые деревеньки тонули в оврагах. Ехал только по светлу. В три часа по полудни уже темнело, завывали волки, кони испуганно шарахались своей тени, По темну искали станцию, а утром, на свежих лошадях дальше в путь. Алексей рассчитывал к наступлению тепла быть в Дербенте. Если всё пойдёт без осложнений, то он доберётся до Стамбула уже весной.

Денщик – матёрый черкасский казак Давыдка – исправно служил свою службу, пыхтел трубкой и неторопливо рассказывал о своём вольном житье-бытие. Про Дон Батюшку, про станицу свою Семикаракорскую, про отца с матерью да про братьев своих, что сгинули в родной станице в крымском набеге. Жениться он не успел, был ранен под Азовом, потом попал в полк. Во всём его облике чувствовалась сдерживаемая сила и удаля, которую Алёшка, служа в полку немного уже подрастерял. Он уже приобрел тот европейский и немецкий лоск, которого требовала служба в полку. Он стал бриться, носить европейское платье, стал привыкать к сво-

ему барству. А Давыдка оставался простым донским казаком, полным сурового спокойствия и достоинства, что отличало этих уроженцев Тихого Дона от горластых и диковатых запорожцев.

Так потиху-потиху доехали они до Галича. В Галиче решили пару дней передохнуть. Утром, на станции почувствовал Алёшка недоброе. В станционной гостинице кроме него, ночевало ещё трое лиц дворянского звания. Один из них – огромного телосложения капитан, подошёл к нему в кабаке и сходу объявил.

– Унтер лейтенант – давай знакомиться. Такая тоска эта дорога. Капитан Оленев Георгий. Еду по поручению... ну да ладно, в Казань еду. А ты?

– Унтер лейтенант Синельник, еду в Кострому по личному делу.

– Слушай а давай за знакомство хряпнем, по-нашему, а то тоска смертная...

– Э... мне нельзя... болею я...

– Ну так и выздоровеешь сразу...

Вспомнил Алёшка царёв наказ, мурашки по спине...

– Да не, я другой болезнью... французской.

– Фу ты прости господи. А ещё унтер-офицер.

Должен был отстать, да не отставал.

– Ну может в картишки перекинемся или постреляем по бутылкам...?

– Да нет, капитан, я чтой-то не склонен намедни.

– Ну что ты право, ты уж русский ли? Али немец какой, али ещё кто?

– Казак я, донских кровей, – Алёшка раздул ноздри в закипающей ярости.

– Ваше превосходительство! – выручил Давыдка – Ваше благородие, дозволю слово молвить, деньги наши казённые пропали!

– Как, где?

– Дозвольте убедиться сами.

Давыдка вывел Алёшку за дверь плотно закрыл её и приложил прокуренный заскорузлый палец к губам.

– Ваше благородие! Подслушал я разговорчик один. Надо нам убираться по добру по здорову. Энтот капитан должён вас убить. Это он с энтим, плюгавым гутарил, что де тебя дале не пущать, а прям здесь и оприходовать. Капитан гутарит, что мол сам и выполнит. Чё дееть – то будем? Лошади готовы...

– Пистоль с тобой?

– А як же!

– Сейчас заходим, я к капитану, а ты пали в плюгавого, погодь, полено подбери – дверь подпереть.

Алексей резко открыл дверь – капитан стоял у стола и о чём-то перешептывался с плюгавым. Алексей стремительно подшёл к капитану, на ходу вынимая шашку. В это время Давыд, следом, не целясь выстрелил в лысину плюгавого, а Алёшка одним лихим ударом снял голову оторопевшему капитану. Сидевшие в кабаке не успели даже вскрикнуть. Дверь захлопнулась, Давыдка подложил поленце – через секунду они были в санях. Дико гикнул казак и лошади рванули с места. Через несколько минут они уже были на заставе. Но там их уже ждал взвод солдат.....

Глава вторая

А в это время...

Барон Крафт вернулся домой в прескверном состоянии духа. Молча снял шубу, прошёл в кабинет, плотно закрыл дверь, сел перед камином, и раскурив старую ямайскую трубку, сделал полную затяжку. Пряный, дурманыщий дым наполнил старые его лёгкие, вызвав при-

ступ облегчающего кашля. Зима стояла суровая, каналы замёрзли и городские крыши клубились голубыми дымами, которые в неярком морозном небе поднимались прямо вверх, создавая сказочную нереальность. Но эта сказочная красота не вызывала сегодня у Михеля Крафта обычного зимнего покоя и философского настроения. Тревожные раздумья омрачали его чело. Он открыл, лежащую на столе библию и попытался вчитаться в стих о казнях египетских, но святые слова не шли на ум. Вся его стройная и размеренная жизнь рушилась, рушилась та маленькая домашняя империя, которую он терпеливо и настойчиво строил столько лет.

Этой размеренности и определённости не смутило даже недостойное поведение его единственной дочери Сабрины, которая 6 лет назад попала в страшный водоворот государственной машины, и который закончился весьма благополучно для семьи и его высокого положения. Жизнь при королевском дворе не принесла его любимой Сабрине ничего хорошего. Визит этого сумасшедшего русского царя, который сначала, как уличный скоморох, переоделся в мастерового, а потом устроил вакханалию при дворе... Его девочка, его красавица и умница – в руках этого зверя, этого чудовища в образе человека... Сын, родившийся от этого монстра, сначала вызвал у Михеля неприязнь и ревность. Но малыш оказался просто прелесть. Сабрина осталась при дворе, а Михель заменил этому малышу отца. Он рос крупным, живым мальчиком, чёрные глаза его светились любопытством и умом. Он преуспевал и в истории и в математике и в богословии. Жизнь наладилась, дело Михеля процветало. Колониальные товары давали приличную прибыль и будущее семьи рисовалось в самых радужных тонах. До сегодняшнего дня.

Дело в том, что с утра он был вызван в министерство иностранных дел, где сделал доклад о перспективах Ост-Индийской компании в торговле алмазами, обсуждал с секретарём целесообразность выселения евреев и негров из Голландии в Новый Амстердам или Йоханнесбург, ход военных действий на европейском театре. Затем секретарь министерства отозвал его в кабинет и продолжил разговор, который оказался сколь неожиданным, столь и опасным.

– Дорогой барон – начал секретарь своим скрипучим механическим голосом.

«Как вы полагаете, каково дальнейшее участие нашей державы в текущей войне за Испанию?»

– Полагаю, что мы должны активно содействовать Евгению Савойскому в его победоносном шествии по Италии, но, по возможности, не втягивать наши армии в непосредственные сражения на территории Бельгии и Франции, дабы при любом исходе сражений оказаться в выигрыше. Это позволит наилучшим образом защищать наши экономические интересы в Ост и Вест Индиях и на морях и не нарушить баланса в Европе в пользу одной из держав.

– Э... Абсолютно верно! Ваше мнение совпадает и с мнением нашего монарха. Но надо представить также себе и всю палитру военных действий в Европе. Наше влияние на Балтике в настоящее время подорвано этим психом шведом. Поэтому мы и оказываем всяческую поддержку царю Петру... – секретарь спрятал в глазах ехидную улыбку и продолжил:

– Но мы должны думать и о перспективе. Если с нашей и божьей помощью Пётр всё-таки возьмёт вверх – он остаётся безраздельным властелином всей Балтики и возможно и всей Европы, разорённой этой братоубийственной войной. Силы Людовика ещё далеко не исчерпаны...

Михель почувствовал, как у него холодеют руки. Всё стало понятно и этот вызов в министерство и ухмылка этого упыря. Добрались, всё-таки, сначала забрали дочь, а теперь добиваются и до внука...

– Понимаете ли, любезнейший, при определённых обстоятельствах ваш внук может помочь нашей отчизне утвердить наши экономические интересы в восточной части Европы.

– Каким же образом? Во-первых он ещё слишком мал, во вторых он хоть и сын, но незаконнорожденный – бастард, вы же знаете, потом он же не королевской крови...

– Видите ли, все эти обстоятельства имеют существенное значение для христианского мира, где закон и богом данный порядок устанавливает права наследования власти, но и здесь, как видите, происходят династические распри, приведшие к столь печальным для всей Европы последствиям. А в варварской полуязыческой стране, коей является Московия, очень сильны традиции самозванства, сказки об убиенном царевице и об истинном царе. Там на юге, среди орд полудиких казаков зреет большое восстание, которое может опрокинуть все южные завоевания Петра. После возможной его смерти (об этом могут позаботиться его враги, как в Швеции, так и в Порте) возникнет вакуум власти. Законный его сын – один – Алексей, слабый, истеричный и никчёмный человечиска. Известно, что он подвержен влиянию, как различных группировок внутри Московии, так и за её пределами. Кроме того, он очень религиозен и находится под полным Австрийским католическим влиянием, что нам не очень выгодно, хоть Империя и наш верный союзник. Новой супруги у Петра нет, так что сыновей пока не предвидится. Страна разорена войной и страшным поражением под Нарвой. Прошлогодний голод опустошил Малороссию и Дон, флот и армия распадутся, и большая часть Царства будет разделена между Швецией, Портой и Польшей. Наши усилия по стабилизации влияния и торговли окажутся тщетными. При другом развитии событий, простой шантаж может оказать давление на этого дикаря, что обеспечит наши торговые интересы в северном Архангельске. Надо думать масштабно, стратегически. Документально это всё может быть оформлено очень просто....Кстати любезнейший, где сейчас находится ваша несравненная дочь и её отпрыск?

Мысль работала, как отлаженный механизм.

– Я вчера, с позволения королевы отправил её на Яву, пусть развлечётся, да и сыну надо мир поглядеть...

– Верните её немедленно назад. Это приказ! Через неделю она и её сын должны быть в Гааге.

Голос секретаря стал твёрдым и беспощадным. Михель понял, что разговор окончен. Встал, раскланялся и вышел.

Глубокие размышления не приводили Михеля ни к какому решению. Конечно, никуда он Сабрину не отправлял. Он со страху соврал, надеялся получить разрешение завтра с утра, но понял, что уже опоздал. Действовать надо не медля. И вдруг, как озарение. Немедленно выезжать, но не морем, а в дилижансе, через Германию и Австрию на Рим, на Неаполь, а оттуда морем в Африку или Новый Амстердам. Причём Сабрину отправить саму, а Виктора оставить в Голландии, у надёжных друзей. Есть такой друг – Николс Геккерн – товарищ по университету. Студенческое братство всю жизнь будет в сердце благородного человека. Сабрину отправить немедленно, а с Виктором следом ехать в Утрехт и всё объяснить.....

Начал действовать немедленно, вызвал дочь и, ничего не объясняя, при ней написал письмо в Неаполь. Там должен стоять на рейде фрегат Ост-Индской компании– Пресвятая дева Мария, который должен взять её на борт и вести в Новый Амстердам. На сборы было отведено два часа. Сабрина должна была взять с собой только самое необходимое и служанку – молодую африканку со странным именем Лугаль и с двумя её детьми. Через два часа экипаж с двумя заплаканными женщинами покинул Амстердам, а ещё через час второй экипаж по обледелой дороге, в полной морозной темноте мчал барона и его шестилетнего внука в сторону Утрехта.

Глава третья

Посольские утехы

Нет в мире города больше и богаче Царьграда! Гул его базаров, блеск мечетей, толпы нищих, запахи конского пота, человеческих испражнений перемешанные с запахами жареного мяса и гниющих фруктов, потрясает воображение северного человека. В этом городе, как в сказке, соединились сразу все пространства и времена. И варварская заносчивая Троя и греко-

римский Византий и турецкий Истамбул – всё на его улицах, в завываниях верблюдов, криках моряков на рейде синего, до боли в глазах, моря. В Золотом Роге стоит на якоре могучий турецкий флот. Очертания кораблей, бисером рассыпанных по всей бухте, хорошо видны из дворца. Сбегающие к морю улицы, полны народа, работающего и торгующего, гуляющего и глазеющего на Великий Город.

Слава и красота Царьграда несравненно выше, как всех старых, так и новых столиц, которые, по сравнению с Великим городом выглядят провинциальными деревеньками. Велик город, но и Велика Великая Порта – Блестящая Порта. От Багдада до Гибралтара простирается её власть. Её войска и на Кавказе и в Великой Степи и на Балканах и в Палестине, и в Египте и в Алжире. Везде покорные турецкой воле народы платят налоги и служат Великой Порте.

Строятся города, прокладываются дороги, шумят базары и трудятся крестьяне. Вся эта Великая Империя – наследница древних Великих Империй управляется Единой Волей из дворца – сердца Великого Города. И всей этой многоязычной Империей правит Великий и Несравненный Ахмед III. Его правление предвещало новый расцвет державы Сулеймана Великолепного.

Порта самая Западная из восточных стран, в ней уже и Европейские одежды – не редкость, паранджа-признак деревенской отсталости, в моде Аристотель и Спиноза, армия и флот вооружены по последнему слову европейской техники, а корабли, бороздящие все моря мира, по оснащению и вооружению не уступают голландским и английским.

Но Порта и самая Восточная из европейских стран. По–прежнему с минаретов доносится заунывный зов муэдзинов, призывающих правоверных на очередную молитву, чёрные безликие женские одежды скрывают истинную красоту женщин, законы ислама строги и беспощадны к его нарушителям. Армия, прекрасно вооружена, но разношёрстна, и скорее напоминает толпы разбойников, чем регулярную армию европейского образца. Что – то уже начинает гнить в Великой Империи. Великий Город наводнён шпионами и соглядатаями. Англичане и шведы, французы и генуэзцы, московиты и персы – все слетаются, как вороньё, на грядущую добычу, все предчувствуют грядущую слабость и немощь Великой Империи. То тут, то там вспыхивают восстания, количество нищих дервишей плодится быстрее, чем количество детей в гареме. Стены города разрушаются, визири воруют, воины стали не такими неукротимыми и верными. То тут, то там бегут они с поля боя. Австрийский город Вена должен был упасть уже к ногам Великого Султана, но удар небольшого польского конного отряда опрокинул всё 120 тысячное султаново воинство. Столетие ведёт Порта войну за Причерноморье, с Польшей, с Московией, с Крымом. Совсем недавно пал Азов – ключ ко всему Понту. С этого момента и начинается долгая история падения и развала Великой Порты. Но сам Султан ещё этого не знает.

Но знает это Савва Рагузинский, бывший сербский дворянин, а ныне русский соглядатай. Высокий, стройный чернобородый красавец. Живёт себе при после – Боярине Толстом, ходит по базарам, слушает разговоры разные. Не брезгует и притонами да и в чужие гаремы при случае заходит. Турецкий и арабский знает, как свой – всё слышит, всё подмечает. Служит он царю Петру и за страх и за совесть.

Был у его семьи небольшой замок в Черногории, где выросло не одно поколение Владиславичей – старинный царский род, захудалый после Баязедова погрома. Так и жили себе, в церковь ходили, торговали лошадьми и пшеницей. Выезжали на святые праздники в Белград и в Бухарест. Да вспыхнуло, запылало по всей великой Болгарии восстание против поработителей поганых. И пошёл отец Саввы в святое народное воинство. Там в бою и сгинул. Замок разрушили янычары, мать и сестру изнасиловали на его мальчика глазах, подпалили и привязали к лошадям бешеным за ноги. На глазах превратились любимые его в кровавые обгорелые куски мяса.

Двенадцати лет отроду ушёл он по дороге, без куска хлеба, в одном рванье. Так и погиб бы где-нибудь в горах, да подобрали его цыгане кочевые. С ними попал Савва в Бессарабию, а потом и в Галицию. Огонь ненависти жёг его сердце. Нанялся он простым солдатом в саксонскую армию, дослужился до унтер офицера. Попался на глаза Петрову генералу Меньшикову, молодой, горячий смысленый. Пошёл к Сашке переводчиком. Тот его и к торговле пристроил и поручения разные секретные да деликатные давал. Потом его и сам Пётр в Азове заприметил. Нужен был ему такой человек, верный, бесстрашный, полный ненависти к туркам. Да и будущее Балкан обдумывал царь. С тех пор и служит Савва в Стамбуле при московском посольстве, сперва при боярине Украинцеве, а после при воеводе Толстом Петре Андреевиче.

Сербы – самые близкие из всех славянских племён, молятся так же, песни и сказки похожие, да и тянуться ко всему русскому, верят, что придёт братушко Иван, и спасёт народ сербский от проклятого поганого ига. Но суров царь Пётр, если не уважишь или, не приведи господь, предашь, пощады не жди. Вот и служит службу Савва и за совесть и за страх и за Родину свою любимую, и месть свою лелеет, как жену родную. Не женится, и детей не завёл. Сорок лет уже почти, а мысли все только о службе и борьбе.

Есть, правда у него одна слабость – больно до женского сословия охочь. Но и они не отказывают ему в симпатиях. К гаремам у него особое пристрастие. Особенно любит он совращать любимых жён турецких вельмож. Во-первых, много интересного можно выведать. У женщин есть много прелестей, но лучшее их достоинство – это длинные языки. Чуть прояви внимание, подними бровь и сделай заинтересованное лицо, или отвернись безразлично – тут же начнёт рассказывать сплетни – только слушай и запоминай. Во – вторых, сладострастное чувство мести охватывало его, когда распалённая страстью молодая красавица, любимая жена какого-нибудь высокомерного турецкого вельможи, возможно виновника смерти его близких, стонала и выла под ним, раздавленная и униженная его злобой и похотью.

Вот и сегодня, пойдёт он ночью в гарем к самому Ахмед-Паше – Великому Визирю, правой руке самого Султана. Султан – как всем кажется, молодой, безвольный и недалёкий правитель, и вся международная и внутренняя политика в руках Ахмеда-паши. Он правит бал во дворце, от него все интриги и решения. Любимая жена его – туркменка Зейнаб – 15 лет отроду – увидела Савву, когда танцевала перед московитским послом на приёме у Великого Султана. Она и послала свою служанку к этому чернобородому красавцу толмачу. Он только зыркнул на неё из-под густых своих чёрных бровей, чуть улыбнулся, глаза его горели и лаской и страстью одновременно, и сердце юной пленницы дрогнуло. Всё её одиночество, вся тоска по человеческой ласке вспыхнули в ней, заслонив страх неизбежной смерти в случае разоблачения.

Техника проникновения в Гарем у Саввы была отработана до полного автоматизма. Всё зависело от уровня гарема, вернее от количества денег на взятку для стражников и евнуха. С евнухами было проще – полные ненависти к своим осканителям, они помогли бы и за бесплатно, а стражникам приходилось платить. Более того, обычно, если стражников было больше одного, то Савва платил обоим, но потом для острастки одного тайно убивал, что бы второй от страха молчал.

Он сидел в своей комнате на постоялом дворе, единственном в Истамбуле, построенном для европейских послов. Грустно красноватый свет заходящего зимнего солнца чахло освещал убогое помещение, грязные в подтёках стены, в углу медный таз с гнилой водой для омовений, низкая лежанка, на полу пыльный персидский ковёр и у стены резной деревянный стол – бюро, ручной работы, отделанный слоновой костью – прекрасный и бесполезный – вот вся мебель. Савва перебирал бумаги и письма, пытая чубуком и выпуская клубы душистого желтоватого дыма, вода в кальяне уютно булькала, настроение было приподнятое и боевое.

Раздался тихий, вкрадчивый стук в дверь. На пороге стояло существо, отдалённо напоминающее женщину, вся в чёрном, лицо закрыто плотной паранджой, сторбленная, корявая фигура.

– Благородный Эфенди, моя госпожа передаёт вам послание – зазвучал скрипучий старческий голос. Фигура согнулась в ожидании. Савва молча взял бумагу, «Любимый, желанный мой, свет очей моих, жду сегодня, старуха покажет дорогу, иди с ней...»

Глава четвёртая За Дон батюшку

Над Бирючим Кутом низкие свинцовые тучи. Пронизывающий юго-восточный ветер сыплет колючий снег вместе с дождём, который тут же застывая, образует на заснеженном поле ледяную корку, местами подтаивающую, местами образующую плотный наст, который покрывает и ветки деревьев, кустарника и оставшейся прошлогодней травы, жёлтыми пятнами на серо-грязном снегу. На всём протяжении от Аксая до Дона простирается эта серо-жёлтая муть, выхватывая из туманной мглы на горизонте синие холмы станицы Бессергеновской. Почти всё пространство ровной, как тарелка, степи, заполнено чёрными, движущимися хаотично, но неуклонно, точками. То всадники смерти – полчище приближающейся Орды. Эти точки, соединяясь, образуют плотные скопления, которые распадаясь, продолжают своё неуклонное и страшное движение. Неясный гул, перемежающийся яростным ржанием и тонувшими в тумане гортанными криками, наполняет всё пространство степи.

Пожалуй со времён Батыя не видал Тихий Дон подобного нашествия. Ногайская Орда, объединившись с Крымом, и частью запорожцев, движется прямо к сердцу Тихого Дона, к Черкасску. Пока Дон не тронулся, не пошёл, не раскинулся он в бурном своём разливе, пока не поплыли плавни Аксая и Тузлова, по твёрдому льду и снегу, неотвратимо продвигается Орда к центру казачества, неся смерть, огонь и гибель всему живому. Со стороны Заплав уже видны дымы пожаров. Прорвав укрепления на высоком берегу Аксая, татары выходили бы прямо к Черкасскому городку и далее на север, вплоть до Воронежа, нет ни единой преграды, способной остановить этот смертельный поток. Пятьдесят тысяч конного войска, при сорока пушках, управляемых опытными и мужественными воителями Углы Гиреем и тёмником Хасаном. Это нашествие, хорошо подготовленное и щедро заплаченное султаном, должно покончить с продвижением Московии к Понту и с претензиями Петра на господство в Великой степи и на Кабарде (Барьера).

На круче Бирючего Кута, используя естественное природное укрепление, собраны почти все силы Тихого Дона, которые удалось собрать в низовье. Десять тысяч конницы, пять тысячью пластунов, десять пушек и наспех сооружённые деревянные и земляные укрепления. Посланы гонцы за подмогой в Таганрог и к калмыкам в Чёрную Степь. Но надежды на спасение мало. В Таганроге небольшой гарнизон, охраняющий гавань и верфи, а калмыки, помня прежнюю вражду и обиды от казаков, могут и сговориться с ордой.

Алексей Синельник стоял на круче прямо над Аксаем и оглядывал будущее поле боя. Он стоял рядом с войсковым атаманом Петром Матвеевым, огромным, зверского вида, казаком. Форма унтер лейтенанта превратилась в ветошь, вид его ни чем не напоминал унтера офицера Преображенского полка. Против Курячей Балки, возле Цикунова хутора, стоит волнуясь казачья конница, пластуны и артиллеристы засели прямо на круче. Через час Орда подойдёт к Аксаю и начнётся бой. Алёшка предложил Матвееву необычный план, завязать бой и взорвать лёд на Аксае, перед кручей и в Заплавах. Татары оказавшись в водной западне, ринутся на юг вдоль гряды, где их можно перехватить у станицы Аксайской и утопить в Дону. План отчаянный и рискованный, но это единственный пожалуй выход, т. к. кручи не удержать при обороне, а прорыв на север грозит катастрофой всему югу Руси, вплоть до Воронежа.

Три недели назад Алёшка и Давыдка, прорвав засаду у Галича, добрались до Костромы, где встретили Давыдкина станичника. Под видом казаков их переправили в Казань, а потом через Рязань на Дон. И вот попал Алёшка из огня да в полымя. Война войной, да не забыть бы поручение государя. После боя надо уйти в Туретчину, хоть босым, хоть как, жена да детишки у Петра в заложниках, а вдруг, как не выполнишь царёв наказ?

Между тем, конные массы татар неуклонно приближались к Аксаю. В сотне метров от реки они останавливались, образуя плотную конную массу, растянувшуюся на несколько километров в ширину. Прошло уже то время, когда великое искусство войны и конного боя татар не могли постичь народы мира. Западные народы шагнули далеко вперёд, дисциплина, взаимодействие различных воинских подразделений, управление и связь перестали быть достоянием только татарского воинства.

За многие годы войн с Золотой Ордой и её осколками выработали казаки свои воинские приёмы, позволяющие им громить численно превосходящего врага, не уступая татарам ни в маневренности, ни в ближнем сабельном бою. Тогда-то неодолимая татарская конная рать и стала терпеть поражение за поражением, преуспевая только в войне с мирными сёлами, с бабами да стариками.

– Пора, – вымолвил Алёшка, и повернулся к Матвееву.

Тот махнул рукой и через несколько минут запыхал сигнальный костёр. Грохнул взрыв у станицы Заплавской и почти сразу оглушительно прогремело у самой кручи. Орда отозвалась конским ржанием, гортанными криками и беспорядочными выстрелами. О брусчатку зацокали татарские пули. В ответ грянули картечью все десять пушек. В первых рядах нападавших началась паника, но увлекаемые запорожцами, татары ринулись через Аксай. Лёд, потревоженный взрывом треснул и первые ряды конницы оказались в ледяной воде. С кручи нещадно палили казаки, и татары временно отступили. Небо заволочло сизым дымом. Аксай, взорванный у Заплав, начал разливаться по грязному талому снегу, вода оттесняла Орду к югу. Осознав всю опасность для своего войска подобного развития событий, татары всей массой ринулись через Аксай, невзирая на десятки тонущих в ледяной воде всадников и убийственный огонь с кручи.

Прошло уже более часа с начала сражения. Снег на круче, с утра белый, стал кроваво-грязным, уже кончались заряды у казаков, а татары напирали и напирали. Вот их передовые и отчаянные всадники уже переплыли Аксай и вступили в бой с пластунами, засевшими на круче. Полетели наземь лихие казачьи головы. Пётр Матвеев растерянно смотрел на Алёшку. Алексей понимал, что спасти казаков может только чудо. Вскочил на коня, обнажил шашку и рванул к казакам, стоящим в засаде. За ним неотступной тенью Давыдка.

– Казаки-и-и! Постоим за Тихий Дон, за Рассею матушку-у-у! Бей басурман поганых! Гуляй станишные!

Казачья лава с гиком рванула к реке и встретила переправившихся татар. Казаки шли плотной лавой, применяя, освоенный ими, татарский бой с усилением левого фланга. Дикое гикание казаков слилось с гортанным – Аллах акбар. Первые ряды татар были вырезаны и уничтожены через несколько минут атаки. Однако вторая волна атакующих, увлекаемая запорожцами, остановила натиск казаков и на берегу началась настоящая сеча. Стрелять не было ни времени ни возможности. Всё новые и новые отряды татар переправлялись через Аксай, устилая берег конскими и людскими трупами. Алёшка весь в крови размахивал кровавым клинком, пытался сосредоточить казаков в плотную массу, но численное преимущество было явно на стороне нападавших. И вот уже весь берег почти занят неприятелем и казаки пятясь отходят в гору, позволяя новым и новым отрядам татар и запорожцев переправляться через Аксай и вступать в бой.

Внезапно натиск ослаб, яростные крики атакующих сменились сначала молчанием, потом криками ужаса и страха. Алёшка взглянул вдаль, за Аксай и обомлел. Со стороны

Заплав, в тыл нападавшим, надвигалась густая конная масса, плотными рядами, на маленьких мохнатых лошадёнках – не быстро, но неотвратно приближались калмыки. Первыми побежали запорожцы, потом вся татарская рать, бросая обоз, пушки, раненных и лошадей с криками ужаса вся эта орда побежала на юг, давя друг друга, поскорее вырваться из мышеловки.

В этот момент Алёшка почувствовал глухой удар в грудь, свет померк перед глазами, и он потерял сознание.

Глава пятая

Счастливый случай

Любил Савва гулять по Истамбулу. Весеннее солнце уже прогревает брусчатые улицы, зацветает миндаль и иудино дерево, абрикосы покрылись белорозовым снегом, кругом радость, шум просыпающейся жизни. Сверху открывается величественный вид на гавань, на Золотой Рог. Синее до боли в глазах море, покрытое белыми парусами торговых, военных кораблей, рыбацких фелюг, галер. Здесь, у старой гавани находится и невольничий рынок – площадь, пропахшая горем, потом и слезами, на фоне праздника жизни.

Потребность империи в рабах всё ещё чрезвычайно высока. Во-первых, необходимо обеспечить женским товаром гаремы всё разрастающейся столичной бюрократии, во-вторых, отсталый флот требовал всё больше и больше невольников на торговые и военные галеры, в-третьих – наёмная армия должна постоянно пополняться стойкими воинами из числа завоёванных народов. Янычары и сипахи – наиболее боеспособные воинские подразделения могущественной Порты. Фанатично воспитанные в исламе мальчишки – рабы становились беспощадными воинами, абсолютно не связанными с покорённым населением, не имеющими ни собственности, ни семьи. Самая стойкая турецкая пехота и гвардия – янычары – набирались из завоёванных балканских стран, болгар, сербов, поляков, урусов, валахов, казаков, а сипахи – лучшая в мире конница – из покорённых кавказских народов – мосхов, армян, овсов, черкесов. Поставщики живого товара – алжирские и киликийские пираты, крымские татары – продавали товар греческим и сирийским перекупщикам, которые везли товар в столицу, где и цены были выше и покупателей больше. Основным источником живого товара были войны и разбой. Тысячи и тысячи пленных и невольников проходят через этот ад, здесь и урусы и поляки, болгары и тунисцы, черкесы и китайцы – все неверные народы, с которыми воюет исламский мир. Здесь человек, имеющий деньги, может приобрести себе в собственность любую красавицу, любую утеху – девочку или мальчика для гарема, набрать гребцов для своего корабля или будущих воинов для военных или разбойничьих предприятий.

Савва покупал иногда для себя что-нибудь экзотическое, китайянку или эфиопку, а потом перепродавал их в специальные дома для обслуживания портовых людей, моряков или солдат. Последнее время связь с Зейнаб начала тяготить его. Всё, что можно было узнать у этой пустой тараторки, он уже узнал. Три месяца тому узнал он о пребывании в гареме великого визиря эфиопской женщины с двумя сыновьями, младшего из которых она выдаёт за сына Государя Петра. Об этом было доложено послу Петру Толстому и вместе они приняли решение сообщить об этом Государю. Был послан тайный посланник в Азов с письмом для Петра Алексеевича, но с тех пор нет никакого ответа, и что предпринять ни он, Савва, ни Толстой не знают.

Целью его прогулки было приобретение какой-нибудь молоденькой особы, желательно дикарки. В средствах он был не ограничен, любая прихоть оплачивалась Толстым, по личному указанию Государя. Проходя мимо рядов и помостов, Савва обратил внимание на девочку лет двенадцати, с тонкими, как у ребёнка руками, увешанными множеством колец, громадными чёрными, бездонными глазами. Девочка танцевала, развевая юбками и пела тоненьким с хрипотцой голоском. Савва узнал песнь сербских цыган. Эти песни он часто слышал в детстве, когда проезжали с отцом мимо цыганских сёл, разбросанных по долине и когда кочевал с ними

по Бессарабии, скрываясь от турецкого погрома. Эти приветливые и шумные люди вызывали у него симпатию, а их тягучее многоголосье или зажигательные пляски, которым эти люди отдавались до самозабвения, заставляли его то плакать, то отбивать ногами в такт звонкому бубну. Хотелось вместе с ними крикнуть – ЭЭХ и взвиться под облака или заплакать от неразделённой любви.

Савва подошёл к девочке и спросил на знакомом ему языке сербских цыган.

– Ту романи (ты цыганка)

– Да, господин – ответила девочка.

– А откуда ты, красавица?

– Из Дурицы, мой господин.

Савва вздрогнул, это цыганское село находилось в нескольких километрах от Рагузы на землях его отца – Луки Владиславича.

– Как же ты попала на помост, родимая?

– Пришли черкесы, всех пожгли, меня и сестёр моих в Рагузе продали, а теперь хозяин, хочет за меня выкуп или грозит отдать янычарам в казарму.....

Подошёл хозяин – маленький толстый грек, с крючковатым носом на гладком, лоснящемся от пота жирном лице, и выпуклыми, как у куклы чёрными глазами...

– Этот товар дорого стоит, эфенди. Она дочь барона, и за неё он может отдать всё золото этого колдовского племени. Она и петь и танцевать может и на картах погадает и в любви утешит, им нет равных в этом деле....

– Сколько же ты хочешь?

– Тысячу золотых, эфенди – это не много, ты получишь много больше, если продашь её....

– Даю пятьсот и по рукам.

Они торговались, шумно наступая друг на друга, уступая по лире, наконец Савва не выдержал, сплюнул и выругался по-русски.

– Господин понимает язык урусов? – спросил хозяин.

– Да, а что.

– У меня имеется товар, подороже этого. Подожди...

Он хлопнул в ладоши и двое стражников вывели из рваной палатки двух человек, один громадный, заросший чёрной бородой мужик, одетый в рваньё, которое по-видимому когда-то было формой русской армии, другой бледный, худой, болезненного вида молодой человек – оба закованы в железо. Гремя кандалами они приблизились к спорящим.

– Вы русские? – спросил Савва.

– Да – слабо ответил молодой. – «А ты? Не знаком ли тебе Рагузинский Савва или граф Пётр Толстой?».

– Ну и ну, я и есть тот, которого ты ищешь, Савва я, государев порученец.

– Имею поручение государя нашего Петра Алексеевича. Царёво слово и дело.....

– Наконец-то! Ну ты, хорек, покупаю всех троих за тысячу.

– Тысячу двести, эфенди.

– Да пропади ты пропадом. Освободи их.

Развязав пояс, Савва отсчитал деньги – своё годовое жалование – ничего, Толстой всё вернёт. Подозвал повозку, запряжённую двумя возчиками, и Савва и все три его приобретения отправились в гостинцу.

Глава шестая

Политес

В покоях посольской гостиницы на мягких подушках сидят четверо мужчин. Двое в богатом турецком одеянии, двое в бедных, но чистых халатах. На ковре лепёшки, финики, холодное жареное мясо – шауарма и греческое вино в больших зелёных медных кувшинах. Прислуживает молодая цыганка – Земфира, подливая вино в чаши. Старший стола – посол государев, Пётр Андреевич Толстой – безбородый тучный, с маленькими хитрыми глазками больше похожий на евнуха, облокотился на руку и тяжело вздыхает. Говорят по-русски, в полголоса. Алёшка Синельник рассказывает о злоключениях дороги, о бое под Бирючим кутом, о ранении, как раненный, схваченный татарским арканом, очнулся в вонючем трюме невольничьей фелюги, как выходил его Давыдка, отпаивая гнилой водой и смачивая раны кровавой мочой. Передал и государево поручение. Граф Толстой надувал недовольно пухлые мятые щёки и скептически покачивал головой. Савва сидел уставившись в пол, ни чем не выдавая своих чувств. Задание государя было почти не выполнимым. И Савва и Толстой были почти всё время на виду, шпионы сновали повсюду. Следили и султановы люди и соглядатаи пашы и шпионы французские и аглицкие и свейские. Конечно связь Саввы с Зейнаб была известна паше, но этот факт хитрый царедворец решил использовать при случае для своих дальнейших целей. А цели у него были великие, ни много ни мало – трон. Игра шла большая. На этом фоне организовать похищение из гарема и провести отрока эфиопского через всю Порту, было делом почти безнадёжным.

Земфира смотрела влюблёнными громадными глазами на своего спасителя, когда подливала вино, и неслышно исчезала в тёмном углу покоев.

Наконец Савва поднял глаза. Для реализации плана надо устранить пашу, надо натравить на него султана, а ещё лучше султаншу-мать, реально управляющую двором. Только в этом случае, в случае опалы и казни пашы – его гарем остаётся без хозяина, а замысел его на время теряет свою значимость. В это время султану будет не до пленников. Тогда-то можно и осуществить задуманное. Значит надо сосредоточиться на главном. Надо дискредитировать Ахмеда-пашу, вызвав в сердце султана ревность и подозрение. Эта часть работы уже Петра Толстого. Он должен добиться аудиенции у Ахмеда III а и на ней принести слова благодарности Ахмеду-Паше за его старания в деле мира между нашими державами. При этом надо всячески подчёркивать его качества, как великого государственного деятеля, мудрейшего и успешного. Одновременно Савва должен научить Зейнаб, что бы ночью на ложе заговорила она с Ахмедом-пашой о том, что де пора ему и о великом престоле подумать.

Шпионы и евнухи обязательно донесут султанше. Но этого мало, нужны реальные подтверждения предательства и злокозненности визиря. Решение пока не приходило. Разошлись под утро, с первыми барабанами, с первой стражей. Определили, что бывшие пленники будут жить пока у Саввы под видом его слуг.

Большой политес разворачивается нынче на просторах Восточной Европы. Великий шёлковый путь, закупоренный исламской Портой Сулеймана Великолепного, требовал новых каналов движения товаров и разрастающихся агрессивных и динамичных Западных капиталов. И такой путь был пробит растущей мощью России. Не Пётр призвал иноземцев на Русь, он только приоткрыл форточку, как напор немцев, голландцев и австрийцев пробил многовековую косность Великой степи. Грозными предвестниками этого неотвратимого движение были Гугенотские войны, тридцатилетняя война – порождение закупорки товарных потоков. Всё новые и новые территории втягивались в орбиту нового передела мира. Не случайно одновременное правление великих тиранов – Карла Пятого и Филиппа Второго, Елизаветы Великой, Ивана Грозного, Стефана Батория, Сулеймана Великолепного, шаха Аббасса и импера-

тора Консю. Не случайно и разрушение их Империй. Вот и сейчас новые великие императоры и короли строят в крови всеевропейской войны новый мир, новый политес. Капитал не знает границ. Растущая мощь Бурбонской Франции, требует новых торговых путей. Людовик Великолепный, вознамерился объединить в своих руках все французские и все испанские владения. Он заинтересован также в полном контроле и над восточной торговлей. Но союз Англии, Голландии и Империи Габсбургов стоит на пути его агрессивных устремлений. В это же время протестантская Швеция стремится взять под свой контроль новые восточные торговые каналы. Ей мешает строптивость Саксонца Августа и возрастающая мощь новой России. Первый успех под Нарвой, полный разгром русской армии, не решил стратегических задач, т. к. Пётр не выведен из игры, а Порты меньше всего заинтересована в его разгроме. Гибель Петра означает выбрасывание Порты из мировой политики, т. к. шведы прочно сядут на восточную торговлю. Но и победа Петра не сулит Оттоманской империи ничего хорошего. Единственная возможность для Порты сохранить свое транзитное преимущество – Византийская политика лавирования и взаимного истощения могучих северных соседей. После падения Азова при дворе сложилось две партии – партия войны и партия мира. Партия войны, вдохновляемая Ахмед-Пашой, требовала немедленного вступления Порты в войну и сокрушение Петра. К этому же подталкивала Порту шведская и французская дипломатия. Партия мира, которую возглавила султанша, наоборот, жаждет мира с Россией, пока та воюет со шведами, и в этом добрососедстве видит для Империи сохранение своего высокого статуса в мировой политике.

Так, или примерно так, рассуждал Пётр Толстой, сидя в своих посольских покоях после ухода гостей.

Выбор правильной позиции России позволит ей вступить в европейскую семью народов и получить все выгоды от всеевропейской войны, политики и торговли. Самоизоляция – гибель для страны, для всего православия, но и аморфное следование в колее корыстной, жадной и беспощадной европейской политики приведёт Россию на обочину истории. Пример тому – Речь Посполита, некогда могучая восточно-европейская держава, а ныне жертва, раздираемая более сильными хищниками, Швецией, Саксонией и Россией.....Основной помехой поставленной цели является шведское владычество на Балтике. Государь правильно наказал Толстому – надо объяснить Ахмеду III и особенно султанше, что только мир с Государём позволит Порте оставаться субъектом мировой политики и извлечь все выгоды из своего промежуточного положения.....

Как нейтрализовать партию войны, как устранить всемогущего Великого визиря? Французские и шведские дипломаты подталкивают Ахмеда-пашу ко всё более и более решительным действиям. Он уже и не скрывает своего презрения к молодому, неискущённому и, как ему кажется, слабовольному правителю. Послы просят аудиенции у Ахмеда-паши, вызывая в сердце Ахмеда III бессильную ярость и ревность. Ахмед-паша и планирует использовать этого эфиопского отрока для наведения смуты на Руси. Но его сила и есть его слабость. Он не дооценивает силу и влияние султанши матери. Надо его спровоцировать на преждевременные действия, на государственный переворот. Обычно перевороты осуществляет гвардия султана, многотысячная армия янычаров, находящихся под управлением и на кормлении у Великого визиря. Значит надо проплатить Султану Оглу – командиру янычаров, что бы он выступил против трона. Султан Оглу – могущественный повелитель самой стойкой в мире пехоты – курд-христианин, проданный в рабство восьми лет от роду, ненавидящий всё турецкое, преданный только Золотому телу и своей плоти.

План операции почти созрел. Оставалось проработать детали. По реализации плана достигались сразу две цели – первое победа партии мира и обеспечение временного мира с Россией, так необходимого Государю для войны с Карлом, и вторая цель – появляется возможность похищения отрока и выполнения Петрова наказа.

Глава седьмая

Братуха

– Любимый мой, что с нами будет? – Зейнаб в ужасе прижалась тоненьким дрожащим телом к Савве. В прорези окна лился мерцающий кроваво-красный свет факелов, слышались гортанные выкрики, воинственные завывания и крики ужаса, перемежающиеся звоном сабель и одиночными выстрелами. На улицах столицы шёл настоящий бой. Восстание янычар, имеющее целью свержение Ахмеда III и возведение на престол Великого Визиря Ахмед-Паши, подавлено сипахами, остатки разрозненных отрядов восставших янычар вылавливаются по всему городу и по всей Империи. В Измире казнено несколько тысяч бунтовщиков. Сам Ахмед-паша явился с повинной и сейчас, закованный в цепи брошен в зиндан. Его сторонники вырезаются по всей стране.

– Послушай, девочка, ведь ты же не хочешь попасть в порт или к сипахам в казармы. Окажи услугу. Выведи сегодня ночью из вашего гарема ту эфиопку с младшим отпрыском, про которого ты мне говорила. Я тебе клянусь, что освобожу тебя и мы навсегда будем вместе. У меня нет гарема, я христианин, ты будешь у меня одна, мы уедем далеко-далеко... Ты родишь мне кучу детей... но сейчас надо действовать. Переодень отрока в женское платье и выведи его с матерью в старую гавань. Ничего не бойся, хозяин твой в зиндане, вот тебе деньги для стражи и евнухов. Приводи их к Азовскому причалу. Сигналом будет троекратный крик кочета. Давай быстрее, нельзя терять ни секунды, пока тебя нехватила султанская стража.

– Подожди, ещё только один миг любви. – она повисла на Савве, дрожа от вожделения и страха, её мокрые от слёз губы целовали его нос, глаза, душистые чёрные волосы закрывали глаза, не давали дышать, парализуя его волю и расслабляя члены. Он уже прикрыл глаза и был готов отдаться этому порыву, но усилием воли оторвал от себя это дрожащее от страсти, почти детское тело.

– Нет, любимая, так мы все погибнем. Бегство, немедленное – вот залог нашего спасения. А африканец этот гарантия нашей жизни.

– Слушаюсь, о повелитель моего сердца.

Накинув покрывало, закрыв лицо хиджабом, Зейнаб покинула дом и скрылась в красном ночном тумане. Савва оделся и вышел за ней. Он шёл сзади на безопасном расстоянии, мягко ступая кожаными сапогами по брусчатке старого города. Отпускать Зейнаб одну в такую ночь было опасно. Он шёл за ней почти до ворот гарема и притаился в зарослях самшита, возле ограды. Рядом протекал арык, вода в нём была красной от крови. По течению плыли трупы янычар, с рассечёнными, изуродованными лицами. Вокруг дворца бегали вооружённые люди, кто кого убивает, кто побеждает, было непонятно, всё, как в аду.

– Казни будут завтра – подумал Савва – У нас есть время. За три – четыре дня, если будет попутный ветер, мы доплывём до Бургаса. А там добудем лошадей и дальше через Болгарию, Трансильванию и Бессарабию будем пробиваться в Новороссию. Главное выйти из пролива незамеченными. Только бы Зейнаб не подвела. В гавани уже ждёт фелюга с Алёшкой, Давыдкой и Земфирой. Что делать с мамашей отрока и Зейнаб он пока не решил. Граф Пётр присоединиться к экспедиции уже в Бургасе. После казни визиря, ему в Стамбуле делать нечего, т. к. под пытками Султан Оглу обязательно расскажет, кто заплатил ему за восстание.

Начало светать, шум на улицах утих, выстрелы отдалились и звучали теперь только в Галате, на другой стороне Золотого Рога. В полумраке из ворот вышли три женские фигуры, плотно окутанные в паранджи, и засеменили по улице в сторону старой гавани. Савва неслышно последовал за ними. Вдруг он услышал за спиной мягкие шаги. Бросившись к глинобитной стене он слился с её тенью и увидел, как за ним, метрах в двадцати от него крадётся чья-то тень а следом ещё одна.

– Не зря я пошёл «– подумал Савва – Начинается работа. Нельзя было отпускать женщин, но и нельзя засвечиваться. Надо идти сзади. Оставаясь у стены не замеченным, он услышал тихий шёпот преследователей. К его удивлению они говорили по-русски.

– Да это же Алёшка! Он уже хотел выйти из укрытия, но передумал и решил послушать, о чём они говорят.

– Слышь, барин – услышал он голос Давыдки – не управиться нам всей ватагой. Обуза нам бабы эти, только хлопоты с ними. Давай их здесь и порешим, а мальчонку сведём на ладью.

– Остынь холоп. Приказал воевода с бабами отплывать, а там как господь распорядится. Может и без провожатых доберёмся, как Государь сказывал.

– Так, подумал Савва, ребята лихие. Ухо держать с ними востро надобно. Не зря за девкой пошёл. Не надо светиться. Пойду сзади. Опять же охрана. Но они в чём-то правы. Бабы – делу помеха. Придёт время – будем решать.

К рассвету все три группы добрались до причала. Спрятавшись за бочку с сельдью, Савва прокричал три раза кочетом, пустой причал отозвался таким же криком. Завершали чайки и снова всё смолкло. Из-за разбитой фелюги показались Алёшка с Давыдкой, а из – за портового проулка вышли три женские фигуры. Савва вышел из укрытия, и вся группа в молчании проследовала к старой фелюге, стоящей на якоре, и в тишине спустились в кубрик. Только здесь заговорил Савва.

– До завтрашней ночи сидим здесь. Еды и воды у нас на пять дней. Завтра после ночной стражи отплываем. Носа не высовываем. По нужде ходим здесь – женщины в тот угол, а мы в этот. Всё, сейчас спать. Стража через два часа. Сейчас Алёшка на часах, потом, ты Давыд.

– Мальчонку-то покажи – попросил Давыд – в жизни черномазых негров не видал.

– Посмотришь ещё, дорога длинная у нас.

День прошёл спокойно. Шум уличных сражений не долетал в старую гавань. Азовский причал, пустынный уже несколько лет за ненадобностью, не поедали ни рыбаки ни стража. Изредка проносились с гортанными криками конники, выискивая мятежников. В одном углу просторного кубрика расположились женщины и ребёнок. Мальчик снял паранджу и подняв глаза кверху сидя тихо раскачивался, бормоча себе что – то под нос. Алёшка и Давыд с удивлением взирали на чёрного мальчонку, из-за которого разгорелся такой сыр-бор. По правде сказать, был он не черномазый, а какого-то пепельного цвета. Огромные чёрные глаза на выкате, пухлые губы – бантиком придавали ему неуволимое сходство с Государём Петром Алексеевичем, в то же время вывернутые ноздри и большие надбровные дуги подчёркивали его не европейское происхождение. Взгляд был испуганный и затравленный, видно было, что за последнее время на него столько навалилось всего, что только присутствие матери, прикосновение её тонких рук и ласковое подвывание не давало его хрупкой психике сорваться и сойти с ума. Мать сняла паранджу, открыла лицо. Она оказалась миловидной молодой женщиной, очень тоненькой, с красивыми и тонкими чертами смуглого, почти коричневого лица. Молодая женщина ласково улыбалась, гладила сына по курчавой голове и что-то говорила на незнакомом нашим героям наречии, больше похожим на птичий клёкот.

Савва обратился к ней на французском.

– Как вас зовут, сударыня, и как зовут Вашего сына?

– Моё имя Лугаль, а сын мой зовётся Авраам, как и праотца нашего, но неверные прозвали его Ибрагим, так что он теперь и не знает толком, кто он – ответила она с сильным акцентом.

– А как Вы сударыня оказались при нидерландском дворе?

– Мы жили в большом лесу, на берегу озера, когда пришли белые господа. Меня купили у отца, подарив ему красивую одежду. Потом мы ехали по морю, потом приехали в Нидерланды и меня пригрела госпожа Сабрина. Я была её служанкой и фрейлиной. Меня показывали самому королю. А потом приехал Большой русский король Питер. Он любил мою госпожу –

Сабрину, а потом полюбил и меня. Он был очень хороший, большой, весёлый такой, он меня жалел и очень любил. У меня уже был сын – Алексус, я родила его от французского посла господина де Моле, а потом родился Абрамчик, мой маленький, мне его подарил король Питер.

– А почему ты его так назвала, иудейским именем?

– Когда мы жили в лесу, мы верили в бога единого, и молились ему. У нас была книга, где, как говорил наш отец, написано о том, как наше племя произошло от праотца нашего Авраама и жены его Сарры и как наше племя вышло из пустыни в Землю Обетованную и как рассеялось потом по всей Земле в поисках спасения....

– Так ваше племя почитало веру иудейскую?

– Ну так, господин, мы и есть те иудеи, колена Вениаминова...

– Ну и дела, подумал Савва. «Сыночек государев-то, негрёнок этот, ещё к тому же и жид. Вот чудеса, так чудеса.

Мальчик сложил руки лодочкой и запел на незнакомом наречии, подняв голову кверху.

– Барух ата адонаи.... – пел он хриплым тоненьким голоском. Глаза его были полные слёз и недетского смирения. Алёшка с Давыдом взирали на это зрелище с нескрываемым интересом и не без участия. Им были знакомы эти слова старой Хазарской молитвы. На Дону ещё с древних, до-татарских времён, селились рядом казаки черкесы – и хазары – иудеи. Некоторые казачьи станицы оставались иудейскими и по сей день.

– А мальчонка не из казаков случаем будет? – Спросил Давыд, «А то в нашем краю много есть таких казаков, что похоже поют. Низовые, так те все понимают по хазарски....

– Нет ответил Савва, «Он из Африки родом. А как племя ваше называлось, там в лесу? – спросил он уже у Лугаль.

– Мы звались мокололо, а народ наш назывался зулу. Наши воины самые сильные во всей стране. У отца было двести рабов и тридцать жён. Он ходил в походы за большую Реку и приводил оттуда много женщин. Потом появились белые господа и стали искать белые камешки. Мы ими играли в детстве, думали, что это слёзы нашего народа, наших отцов, плакавших на стенах Вавилонских. А они за эти камешки давали нам одежды и давали пить огненную воду. Только мой отец не пил, он говорил, что это происки Сатаны, но люди его не слушались, и когда белые люди пришли с оружием, наши воины все были пьяные и не смогли сопротивляться их силе. Белые люди стали рыть большую яму, и искать там эти камешки, а нам приказали им служить...

Так за разговорами прошел день. Солнце клонилось к закату. Пора было думать об отплытии. Что делать с Зейнаб и Лугаль, Савва ещё не придумал. А вот на Земфиру у него были планы. Каким образом сложится побег, предугадать было трудно. Но по пути следования через Трансильванию и Бессарабию кочует много цыган, и, возможно, за свободу дочери Барона они окажут неоценимую помощь.

Как только солнце спряталось за гору, отплыли от причала. Алёшка и Давыд – на вёслах, Савва взял штурвал, и фелюга медленно двинулась вдоль пустынного в этот час берега. Тишина оглашалась далёким городским шумом и криком чаек. Плыли не торопясь, держась в тени берега. Как только совсем стемнело, Алёшка с Давыдом бросили вёсла и стали на парусе. Ветер дул попутный и дело пошло веселей. По Саввиным расчётам часа через три они должны были проплыть первую заставу – самое узкое место пролива, перегороженное цепями. Здесь предстояло пройти досмотр и оплатить проход через пролив, заплатив проездную пошлину. Обычно первая и вторая заставы охранялись янычарами, они и получали львиную долю прибыли от проходящих судов. Казна ежегодно недополучало сотни тысяч лир дохода, а янычары покупали доходные дома, женщин и рабов. В полночь подошли к таможенному причалу. Надежда была на то, что в связи с восстанием, контроль будет не столь суровым, да и в гареме, возможно, не хватились беглецов – евнухам и стражникам было хорошо заплачено. По всем расчётам беглецов кинутся искать не раньше чем через два-три дня.

Причал освещался кострами на берегу, у которых сидели группами янычары, охраняющие пролив. Слышался шумный возбуждённый спор – по видимому охранники обсуждали недавние события и пытались предугадать свою судьбу. А задуматься было о чём. Уже давно янычары – обуза власти, источник смуты, мздоимства и хаоса в империи. Время от времени происходили события, подобные вчерашним, тогда или убивали султана и всё его окружение, или султан расправлялся с верхушкой янычар, тогда летели головы тысяч солдат и офицеров этих неподкупных стражей порядка. На этот раз молодой султан оказался гораздо более решительным и энергичным, чем можно было предположить по первому году его правления, и судьба всего корпуса была под большим вопросом.

Обычно для больших галер, иностранных судов и военных кораблей проход открывали только днём, но малым рыбачим фелюгам можно было проплыть и ночью, через узкий, не более 20 метров пролив между надолбами, к которым крепились цепи, и причалом. Через этот узкий пролив и предстояло проплыть нашим беглецам после досконального осмотра судна. Договорились, что Савва де – хозяин лодки, Зейнаб же его жена, а остальные – их слуги. Едут они в Синопу к родственникам, а почему ночью – опасно в городе днём во время бунта. Говорить будет один Савва, представившись греческим торговцем, поставщиком женского товара для гаремов янычарских офицеров. Как правило, на борт для проверки входило два-три человека, так, что при возникновении опасности можно будет попытаться отбиться и в темноте уйти на вёслах.

Медленно лодка подплыла к причалу. На борт взошли трое янычар во главе с высоким, могучего телосложения, агой, с крашенными рыжими усами, качающимся от выкуренного гашиша.

– Салям Алейкум, Кто здесь будет хозяин? – низким хриплым голосом спросил ага.

– Я хозяин – ответил Савва, – это моя жена – кивок в сторону Зейнаб, забившуюся в угол, – а там наши слуги... Еду в Синопу, к брату, у него там есть товар для вас. Могу предложить по очень низким ценам...

– Так... Будет врать-то. Ждём мы вас весь день. Баб из гарема воровать вздумали... Вот мы сейчас возьмём вас в оборот, да и сдадим куда надо. – Рыжий ага говорил с сильным акцентом, выдававшим в нём нетурецкое происхождение.

– Так если и сдадите, то всё равно не сносить вам головы. Вон в городе уж и казни идут, никому пощады не будет. Наш султан оказался сильным человеком, хоть и молод, и за предательство ваше всех офицеров повелел схватить и никого не щадить. Так что утром ждите сипахов, и не поможет теперь вам ваша запоздалая преданность – перешёл в наступление Савва. Рыжеусый замаялся.

– А что, правда всех казнят? – спросил смущённо он...

– Да уж всех офицеров, без разбору.....

В этот критический момент послышался душераздирающий крик Давыда– Брату-у-ха, Семён!!!!

Рыжеусый осветил лицо Давыда и в ужасе отпрянул, потом бросил факел на пол и схватился с Давыдом в крепком объятии. Молчаливая сцена длилась несколько минут. Они смотрели друг на друга, пытаясь разглядеть один другого в мерцающем свете факелов, только сейчас стало ясно, как два брата похожи – одинакового телосложения, глаза, нос, только один помоложе – крашеный, безбородый, а другой – сивый, заросший дикой бородой. Наконец объятия кончились...

– Ты откуда, это когда сюда, зачем, мать жива, отец... – плакал Семён. – Как ты... Как Дон наш тихий, как баркас....

– Эх Семён, Семён, ну что ты... Что ж теперь, вот видишь, как свидеться пришлось. Э-эх, судьба... Батя вишь, тогда и погиб, мать сгорела в хате, а я убёг. Теперь вот видишь, службу

царю нашему служу. Итить нам надобно, братуха, итить надоть, помоги, Христа ради помогни, ведь сгинем оба два.

Ноги не держали обоих, сели на пустые бочки, Давыд раскурил люльку. Все замолчали, янычары всё поняли, у каждого из них могло быть такое, да и бывало не раз, бывало, что и на поле боя сходились братья или отец с сыном. А уж рассказов об этих случаях было не счесть. Ну а что было делать, ведь все они теперь рабы государевы.

Первым нарушил молчание Давыд.

– Семён, бабы-то нам ни к чему. Ты нам мальчонку только отдай, а. А Баб энтих забирай, может так и спасешь жизнь свою. А без мальчонки этого не сносить нам головы. Оторвёт нам её государь наш, Пётр Алексеич. Он – то построже султана вашего будет. И барам моим, и мне, заодно, башку снесёт. А то пойдём с нами, авось к нашим уйдём – не пропадём.....

– Подумать надо... На этих ребят я надеюсь – Семён кивнул на двоих своих товарищей – но на берегу сидит наш ашик, который обязательно донесёт. Добавил, помолчав.

– Сделаем так, ты и твой хозяин берёте баб и выводите их на причал, как вроде вы арестованные. Потом по моему сигналу бьёшь меня по голове, баб оставляешь а сами бегите на лодку. Пока то да сё, вы уже будете в море. На второй страже сегодня ночью нет никого – все здесь – вас ловят. Плывите быстро, пока не организовали погони, я скажу, что вы плывёте в Синопу, а вы уж уходите открытым морем на север, на Бургас. Авось ещё свидимся. Ну прощай братуха....

Савва и Алёшка одобрительно закивали головами. План был хорош. Учитывая темноту и неразбериху на берегу, он имел шансы на успех.

Давыд, схватил за рукав Зейнаб, а Савва поднял на руки лёгкую, как пушинка, Лугаль и они во главе арестантской команды вышли на причал. На причале Савва поставил на землю верещащую что-то негритянку и достаточно сильно ударил Семёна по красной шапке рукоятью кинжала. Семён закричал и упал, двое его товарищей, мешая друг другу пытались схватить арестованных, но те рванулись и в один миг были уже в лодке. Алёшка – уже на вёслах, Давыд прыгнул к нему на скамейку, а Савва – к штурвалу. Земфира стояла возле борта, держа Абрама в объятиях, одной ладонью, закрывая ему рот. Уже через минуту они были в темноте, метрах в десяти от берега. Раздался одинокий выстрел куда-то вверх, крики на берегу, бегущие тени людей, истошный крик Лугали. Последнее, что увидел Абрам, как его мать бросилась с причала в море и поплыла за лодкой. Через мгновение темнота поглотила и её и очертания берега, а ещё через несколько минут и свет костров и факелов на берегу. Кромешная тьма окутала беглецов. Задул свежий западный ветер, парус надулся и лодка, подгоняемая неистовыми взмахами вёсел и попутным ветром, мчалась на Восток, к выходу в Чёрное море, навстречу новым испытаниям.

Глава восьмая

Олеко

*Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег и мирный сон
под небесами;*

(А. С. Пушкин «Цыганы»)

Полуденный зной спал, небо окрасилось в чистые голубые тона. На востоке оно стало совсем синим, от ручья повеяло вечерней прохладой, Природа ожила после дневного степного пекла.

Место для ночлега было выбрано очень удачно – зелёная ещё поляна рядом с чистым неглубоким ручьём, заросшим ивами и кустами боярышника, окружённая со всех сторон густыми зарослями тополя и дикой смородины. Проедешь мимо, по дороге – и не заметишь, ни поляны, ни расположившегося на ночлег табора. Шум и гортанные выкрики поглощала окружающая зелень и журчание ручья.

Всё было подчинено привычному ритуалу, привычной последовательности действий и распределения обязанностей. Распрягли лошадей, повозки поставили полукругом – внутри этого полукруга женщины поставили шатры на одном шесте для каждой семьи и на двух шестах для барро-Васила – полного коренастого мужика лет 40, лысого, как бильярдный шар, с окладистой чёрной, но уже седеющей бородой. Детишки постарше отправились в рощу за хворостом. Женщины укрыли внутренности шатров старыми и пыльными персидскими коврами, выгрузили скарб из кибиток и начали разводить костры для приготовления пищи. Мужики повели лошадей к ручью на водопой, да и самим не мешало помыться после пыльной жаркой и утомительной дороги. После этого, женщины приступили к приготовлению пищи, а мужчины расселись на корточках вокруг шатра Васила, раскурили трубки и принялись не спеша обсуждать дальнейшие планы. Место ночлега располагалось в 10 верстах от молдавского села Юрчены, рядом с дорогой на Долну. Предполагалось продать в Юрченах котлы, корыта и сита, изготовленные в таборе. Кроме того, с табором шло до двух десятков лошадей, которых тоже можно выгодно продать в Юрченах. За вырученные деньги можно было и оброк барину заплатить и подкопить немного на следующую зиму. Обсуждали так же и вопрос о перекочёвке в Новороссию и на Волынь. По поступающим оттуда сведениям, собирается там большая русская армия и нужны ей будут и подковы и мушкеты и котлы. Так, что работы хватает. Да и в рабстве у барина Константина Ралли больше жить не вмоготу.... Обсудить было что. Ромы племени Урсаря испокон веков были непревзойденные мастера по железу и дрессировщики медведей. Огромный старый урс Мишка мирно лежал возле шатра, тихо гремя ржавой цепью, изнывая от жары и ожидая вечерней трапезы.

Беда пришла перед полночью, когда догорали семейные костры, песни стихали, и табор отходил ко сну. Со стороны дороги раздалось конское ржание – ему ответили таборные лошади, яростно залаяли собаки. Из ночной мглы в круг света выехали три всадника. По выправке и по платью – это были не турки и не люди Ралли.

– Кто здесь булибаш? – спросил, ехавший первым на вороном высокий чернобородый, одетый в чёрный камзол мужчина. Он спросил на языке сэрга рома, который урсаря ром понимали, как свой.

Женщины и дети, сидящие у костров, тихо и незаметно исчезли в шатрах, – мужчины, сгрудившись в плотную массу, двинулись навстречу гостям. Васил выступил вперёд.

– Я Васил вица бари, господин, откуда наш язык знаешь?

– Я Савва Лукич из Рагузы, кочевал с вами много лет тому, язык знаю от народа вашего и от сэрга рома. Нет у меня злого умысла и мои люди зла не желают. Мир вам и удачной торговли и богатства вашей вицы.

– О, да ты и обычаи наши знаешь, а какое дело у тебя, барин будет?

– Могу ли я с тобой о делах поговорить один на один – мои люди у кибиток постоят, а твои пусть отойдут, а мы сядем и поговорим.

– Ну что ж, входи гость, садись, отведай нашей скромной пищи – подал знак и мужчины отошли к шатрам. Собаки от ярости заходились, лошади никак не могли успокоиться, всё фыркали, становились на дыбы.

– Цыц, проклятые! – Рывкнул Васил.

Собаки отбежали, продолжая брехать издалека.

Наконец всё успокоилось и Савва с Василом приступили к неторопливой беседе. Говорил Савва, Васил пытел трубкой, сопел и внимательно слушал. Содержание разговора было

таково. Савва просил спрятать в таборе на время от турецкой стражи молодую рома сэрга и черномазого мальчонку, а в качестве охраны – молодого казачьего русского офицера и его денщика-казака. Сам он, Савва, будет гостить у барона Ралли в поместье и наблюдаться стороны за ними. В дальнейшем Савва предлагал табору откочевать в Россию, обещая протекторат и благодарность Русского царя и освобождение от крепости.

– Чем гостей твоих кормить буду? спросил Васил.

– Не беспокойся, на прокорм получишь годовой оброк и денег на покупку лошадей. Кроме того, даю тебе ещё денег на случай судебных тяжб и на свадьбу дочерям твоим, если они есть.

– Щедр ты барин, значит очень нужно тебе... Может чего ещё у тебя попросить....

– Барро, я забыл сказать тебе, что это не я, а сам царь Пётр просит тебя, а если откажешься или продашь, то милость господина Ралли покажется тебе раем. Скоро он со своим воинством одолеет турок и вся Бессарабия перейдёт под его руку....

– Ой, господин, ты мне не грози, у меня барин есть, ром всегда были в ладу с законом, не гоже нам против власти идти, опасно для животов наших. Мы народ мирный и никогда против власти не бунтовали...

– Ну и не бунтуй, возьми моих людей на месяц-другой, и получишь бакшиш.

Васил замолчал и несколько минут сидел задумавшись, пыхтя трубкой.

– А что за женщина сэрга рома у тебя, как ты её нашёл?

– Выкупил в Стамбуле на невольничьем рынке. Говорит, что дочка Дурицкого булибаши. Молодая ещё, пятнадцати нет. Девка не троганая, так что позору не жди. А мальчонку черномазого береги пуще сына своего. За него весь табор ответит головами вашими черноголовыми...

К костру подошла старуха с трубкой, мать Василя.

– Не слушай его сынок, гони прочь этого гаже, не гоже нам ромам против власти идти. Горя нахлебемся....

– Помолчи старуха, здесь дела мужские. Помолчав добавил – сейчас поспите в кибитке, а утром совет держать буду.

Распрягли лошадей, и устроились на ночлег. Табор постепенно отошёл ко сну.

Утром всё мужское население табора собралось на совет. Согласно обычаям, решение такого важного вопроса могло быть принято только общим собранием всех мужчин табора.

– Так что, ромалэ, как поступим, возьмём людей к себе? – вопрошал Васил.

– Так ведь, если господин Ралли прознает, не сносить нам головы.

– А если царь Пётр сюда придёт, или мы захотим в Россию перекочевать, то нам ещё хуже будет?.

– А если турки прознают?

– А вы не болтайте лишнего и не прознают.

– А как пересчитывать будут, да оброк собирать, а у нас люди неизвестные?

– В общем скажу так – заключил Васил, – И так беда и эдак. Нет у нас выбора. Этот господин в дружбе с барином, всё равно беда нам будет. А уважим, глядишь и деньги появятся, да и в России сказать сможем, что царю помогали, что б оброк снизил и свободно кочевать разрешил. А дел то наших никаких, людишки эти пусть работают с нами наравне, а девка эта просить пойдёт, танцевать и гадать будет, всё ж обществу прибыль. Может ещё и замуж отдадим за синти, глядишь и с русской рома породнимся – тоже выгода.

Цыгане молчали, напряжённо обдумывая слова барро.

– Добро говоришь, Васил, как сказал, так и сделаем, заключил Иона, высокий худой ром. Остальные промолчали.

– Ну знать так тому и быть заключил Васил.

Через три недели Алексей, Давыд и Абрам вполне освоились в лагере. Поводырь медведя Иона обучил казаков нехитрым приёмам дрессировки, и Алёшка с Давыдом ходили по сёлам, показывала уникальный номер. Алёшка вёл медведя на цепи, тот выполнял различные команды, приседал, кланялся, кланялся денег, потом вдруг внезапно срывался с цепи.

– Помогите, спасаётесь! – кричали цыгане.

Мишка рычал, поднимаясь на задние лапы, пускал слюну, кидался в толпу. Селяне разбегались, женщины и детишки визжали от страха, но тут появлялся Давыд и начинал бороться с медведем. В смертельных объятиях сходились могучий зверь и бесстрашный человек. Толпа взирала на эту схватку с восхищением и страхом. В конце концов, человек побеждал зверя, и Мишку снова сажали на цепь. Номер производил на крестьян неизгладимое впечатление, и они щедро одаривали цыган мелочью.

Земфира ходила вместе с женщинами по хатам, просила милостыню, танцевала, пела и гадала на картах. Она знала много новых для здешних мест гаданий – на любовь, на измену, на потомство. Гадала также на урожай и отводила порчу от людей и скота. Пела и танцевала она не по-здешнему. Её юный возраст, незнакомая речь и особый, с хрипотцой голос вызывали у крестьян доверие и симпатию. Так что выручка была неплохая.

Абрам большую часть времени проводил в таборе, играя с детьми или сидя в шатре. По вечерам он исправно молился и обитатели табора уже перестали удивляться тому, что черномазый мальчонка молится по жидовски. Он обнаружил большие способности к языкам и уже сносно болтал по-цыгански, играя таборными детьми в кости или жёлуди или копошась в пыли.

Жили они все вместе, в одном шатре, что вызывало немало пересудов в цыганской среде. Что бы избежать двусмысленности в их поведении, было решено с согласия Саввы сыграть свадьбу Алёшки и Земфиры, что и было сделано по всем цыганским обычаям. Цыгане прозвали Алёшку на свой манер Олешко или Олеко, а Давыда – Урс – медведь.

Несколько раз Савва наведывался в табор, устраивая проверку. Он и Пётр Толстой гостили у барона Константина Ралли в поместье. Часто за столом у барона они заводили беседы о текущей политике, о шансах сторон в Северной войне.

– Поверьте, дорогой граф, бархатистым раскатистым голосом говорил Ралли (разговаривали они исключительно по-французски) – Догоей ггаф, Повергте, экономические интегесы Госсии находятся исключительно в Бесагабии. Отсюда до пголивов – несколько пегеходов доблестной гусской агмии...

– Нет, позвольте, нам не нужны территориальные приобретения, у вас свои обычаи, свои традиции, нам нужны только выходы к морям, что бы обустроить свою торговлю.

– Неужто вы хотите, что бы славянские и пгавославные хгестьянские нагоды пгодолжали стгадать под игом поганых пгавителей?

– Нашему государю сейчас, как воздух нужен мир с Портой. Война на две стороны не под силу отечеству нашему. Европейский политес никогда не допустит преобладания России на Проливах. Имперские интересы на Балканах...

– Да что вы всё об евгопейцах... Пока они готовятся газделить Испанское наследство, вашему госудаю надобно гешить свои интегесы на юге... Голубушка, пгинеси нам ещё Погтвейну...

Это он своей жене. Выпили ещё охлаждённого вина. Вино было превосходное, немного с горчинкой, освежающее и утоляющее летнюю жажду.

– Я слыхивал догогой гграф – доблестные гусские войска уже овладели Нагвой, полагаю, что война ского завегшится благополучно...

– Да нет, уважаемый барон, пока Карл воюет в Польше, но вскоре он закончит там дела с Августом и двинется в Малороссию или прямо на Москву. Только тогда-то и начнётся настоящая война... Тогда-то нам и понадобится ваша военная и финансовая помощь а так же и сочувствие...

– Вы можете вполне полагаться на молдавское двоганство и на наше сочувствие.
В таком вот духе проходили день за днём.

Савва вовсю увивался за бароновой дочкой, беседуя с ней о высокой поэзии, о живописи и о любви. Как всегда его усилия были бесполезны и барон весьма внимательно присматривался к ухажёру. Последний представлялся ему очень неплохой партией, особенно в свете последних побед русского оружия.

Пётр Толстой в промежутках между возлияниями и беседами с хозяином дома, выезжал иногда в хозяйском экипаже поглядеть на хозяйство, поля и сёла Юрчены и Долну... Турецкие власти закрывали пока глаза на пребывание русских гостей у Ралли в доме. Поскольку Зейнаб была возвращена в гарем – турки больше не искали активно беглецов – не хотели портить отношений с Петром, т. к. партия мира победила, а партия войны была разгромлена и обезглавлена. Тронуть русского посланника они не решались, да и управление империей после бунта янычар ещё не было налажено как следует. Стоит заметить, что Ахмед III почти смирился с пропажей черномазого сына Петра. После казни Ахмед Паши и на фоне военных побед русских в Северной войне – интрига использования русского наследника в целях дестабилизации России, почти утратила свою значимость. При сложившихся обстоятельствах ему было выгоднее преподнести похищение арапчонка, как его, султана, милость, как подарок царю. Но Толстой и Савва пока об этом не знали. Поэтому они и решили воспользоваться неопределённостью и неразберихой в Империи и ускорить события... Надо было как можно быстрее перевести табор и отрока на российскую территорию. И их планы внезапно ускорили цепь непредвиденных трагических событий.

К концу июня в Долнах появился новый табор из Черногории. Это были цыгане из племени сэвра то есть племени Земфиры. С появлением родственников её положение среди цыган стало двусмысленным – опозоренная рабством и браком с гаже (не цыганом), она позорила и весь свой род и всё племя. На ярмарке в Юрченах она отбивалась от женщин табора, о чём-то подолгу судачила с соплеменницами. Но те относились к ней с усмешкой, не принимая в свой круг, но и не прогоняли её прочь. По словам сэвра шансов вернуться в родное племя у неё не было. Земфира стала мрачная, замкнутая, перестала петь, стала вести себя вызывающе, позволяла себе грубить старшим женщинам, спорить с мужчинами. Такое не могло продолжаться долго. Всё разрешилось совершенно неожиданным манером.

Однажды ночью Давыд разбудил Алёшку.

– Алёха, проснись, чёрт, что – то не ладное, ушла Земфирка наша.

– Как ушла.

– Встала, юбками махнула, стерва, и пошла – в сторону дороги.

– Ты останься-ка тут, с мальцом, а я пойду проверю...

– Может лучше я...

– Да нет, лучше я пойду, я по ихнему уже немного лучше тебя кумекаю, может чего узнаю. Неспроста всё это. Ох не спроста... Чует моё сердце, измена зреет. Надо было баб этих ещё в Цареграде оприходовать. Сиди тут тихо, мальчика сторожи, смотри – головой ответишь.

– Да уж не беспокойся, барин. Всё изделаю, как говаривали.

В кромешной тьме Алёшка вышел на дорогу и двинулся в сторону Долны. Через час он подошёл к приезжему табору, костры ещё не погасли, слышалось заунывное пение, смех и разговоры плачь младенцев. Алёшка притаился в кустах. Вдруг он увидел, как от костра отделились две фигуры. Он узнал Земфиру и молодого цыгана Яшку из прибывшего вновь табора, которого он видел недавно на базаре в Юрченах. Они двинулись к оврагу за рекой – Алёшка крадучись последовал за ними. Выглянула луна, стало светло, как в сумерки. Алёха услышал тихий разговор. Говорила Земфира.

– Любимый мой, что я могу поделать, ведь я же раба. Не жена и не девка. Но он хороший, меня не трогает.

– Но ты опозорила весь род. Как я могу взять опозоренную в жёны. Это же проклятье на нас и наших детей до седьмого колена...

– Как же нам быть, неужели смерть только и сможет нас соединить.

– Ты права, только не наша смерть, а его. Если он умрёт, то ты станешь вдова, а жениться на вдове – это не грех.

– Но мы не можем взять на душу такой грех – убить человека, да ещё и государева человека – цыгане нас проклянут.

– А мы и не будем убивать. Слушай, вот что я надумал. Надо, что бы османы прознали про черномазого. Пусть они и убьют твоего хозяина. А мы будем свободны. Ты должна будешь только рассказать нашим бабам о бегунцах. А языки у них длинные. Уже завтра акунджи будут в таборе и Олеко твоего зарежут.

– А с мальчонкой что будет. Давай возьмём его к себе, как сына... А с другим, большим хозяином, который освободил меня, что будет... Ведь убьют его басурманы поганые.

– Пусть они, гаже, о себе думают сами. Ром сами по себе, гаже сами по себе. Им наша жизнь, что мелкая монета. Пусть гаже убивают друг друга. Их много. А нас рома и так мало, и мучают они нас и терзают наши тела и души. Те, кто тебя в рабство продал, и освободитель твой одна в поле ягода. Они всегда враги наши и мучители...

Разговор стал тише и Алёшка уже ничего не понимал.

Из всего, что они говорили, Алёшка понял, только что замышляется измена, и что весь план и жизнь его, Алёшки, и семьи его и детишек, Кирюхи и Варюшки, находится под угрозой. Что бы исполнить наказ царёв, действовать надо без промедления.

Утром два трупа были обнаружены в овраге. Собрался сход из обоих таборов. После долгих споров было решено изгнать гостей из табора, а табор Василя должен оплатить семье убитого отступные.

Барон Ралли был вне себя от ярости. Савве и Толстому стоило больших усилий убедить его не переводить вольный табор в дворовые. Но оброк был увеличен вдвое, что было равносильно порабощению всего табора. Это убийство привлекло внимание и турецких властей, в Юрченах появился отряд акунджи, поэтому после недолгого совещания было принято решение – бежать через границу. Поздно ночью два всадника – один из которых с мальчонкой на луке седла, в крошечной темноте двинулись в сторону Дубоссар, к русской границе. А рано утром экипаж с Савой Рагузинским и Петром Толстым выехал из поместья барона Константина Ралли в том же направлении. Им предстояло ночью встретиться с экспедицией Алёшки и вместе переправиться через Днестр на российскую сторону.

Глава девятая

Подарок

После жаркого и знойного лета внезапно наступили ранние холода. Полил унылый, холодный мелкий дождь, сопровождаемый мокрым сыпучим снегом. Дороги развезло за несколько дней. Сбор урожая ещё не закончился и внезапно испортившаяся погода предвещала недород, а значит и голодную зиму в истощённой длительной войной стране. Русские армии увязли в Эстляндской грязи, а Карл надолго застрял в Польше. И, хотя его бессмысленные походы и громкие победы над саксонской армией сулили Петру прекрасную возможность укрепиться на Балтике, отвоёвывая у шведов крепость за крепостью, воспользоваться полностью представившейся возможностью, русские армии до конца не могли. Послания царя доходили с опозданием, армии передвигались медленно, обозы с провиантом и пороховым запасом застревали на лесных дорогах. Вновь набранные весной и осенью рекруты разбегались по лесам, уходили на Дон и далее за Волгу. Оттуда, из-за Волги ползли тревожные слухи. Там взбунтовались башкиры, предводимые ихним царьком Юлаем. Конные, неуловимые отряды их почти полностью

вырезали полк лёгкой кавалерии, и Пётр вынужден послать туда князя Долгорукого с 20 тысяч войска. Эта армия позарез нужна для действий в Эстляндии и охраны южного крыла военного театра. Если Карл двинет из Польши на Малороссию или через Литву на Смоленск, встретить его будет нечем.

Эта дождливая, не ко времени погода вконец испортила настроение Петру. Сегодня, как обычно после славной ночной попойки и шумных фейерверков он проснулся в восемь часов по полудни, выпил холодного хлебного квасу, потянулся, размял, замлевшие от сна длинные тонкие руки, подошёл к окну и вздохнул сырой холодный воздух. Марта спала, мирно похрапывая, укутавшись пуховой периной.

– Вот чёртова баба – подумал Пётр – приворожила меня дыркой своей, да мясом тёплым. Сколько не стараешься, не мнёшь её – всё мало. И что интересно, всё вовремя делает, и смеётся и промолчит и совет добрый даст. Умна сволочь, по-бабски предана и умна.

– Ты уже встал, Петенька, сокол мой ясный. Я сей час, кофию сварю. Ты как перед работой хорошо поешь, али только бутерброд...

– Да лежи уж... Я в мастерскую...

Была у Петра задумка – с утра канделябру выковать, что в Ревеле на заборе видывал. Узор – необыкновенный, а как подступить – не знал. Лучше всякого похмелья его трезвила физическая работа. В труде, как и во всём, не знал Пётр удержу, работал до изнеможения.

– Петенька, голубчик, тебе бы надобно почту посмотреть, да дела государственные поделать, а потом уж и за работу приниматься...

– Молчи дура, сам знаю. Если не поработаю, сама знаешь, чего натворить могу...

– Ну не сердись, друг любезный, прости дуру необразованну...

– Да будет тебе, по уму – так ты выше любой из этих, образованных, да родовитых...

Ну досыпай, я пошёл...

Пётр спустился в кузнечную мастерскую. Там, в мастерской, на полу, накрывшись ветошью спали два подмастерья, Васька Брыль, молодой и безусый тульский крестьянин и Митька Цыган – бородатый, чёрный, как смоль мужик, обладающий исполинской физической силой, молчаливый и суровый.

– Ну что, братва, подъём и за работу – крикнул Пётр. Подмастерья проснулись, дико огляделись. Митька встал, молча подошёл к жбану с ледяной водой, выпил без остановки целую кружку.

– Погодь, царь – батюшка, вашеблагородь, дай по нужде хоть сходить то., проворчал Митька.

– Что б мигом, некогда баклуши бить да дрисню разводить, у меня ещё работы целый воз.

– Знаем мы твою работу, вино пить, да баб лапать...

– Ух ты курва, я ж те язык-то вырву...

– Да не ссучись ты государь, коль не знаем... Мы мигом.

Работа началась. Пётр орудовал молотком, Митька бил молотом, а Васька раздувал меха.

Через два часа, Пётр оглядел результат трудов и понял, сегодня канделябра почти получилась – понял он секрет Ревельских мастеров. Нет такой работы, которую бы я не освоил в совершенстве – подумал про себя Пётр, и, гордый собой, отложил молоток.

– Всё, шабаш на сегодня...

Довольный сегодняшней работой, окатился жбаном ледяной воды, вытерся насухо, натянул холщёвую рубаху и поднялся наверх.

День начинался успешно. После завтрака предстояло встретиться с послами аглицким и турецким.

С турецким послом Мустафой Кергелю, ему было особенно приятно разговаривать. Вот бы такого ко мне на службу, думал царь, языки знает, выгоду державы своей охраняет пуще жены молодой, видит далеко, рассуждает масштабно – с таким оппонентом и трудно и приятно

иметь дело. Аглицкий же лорд Витворт, чопорный и высокомерный, ставит свою родовитость и происхождение выше всего. Постоянно старается унизить Россию, принизить Русское оружие, подчеркнуть спесиво своё превосходство. Да ладно, мы не в обиде, я – то тебя, чёрта, насквозь вижу, сколько фунтов ты стоишь.

На приёме, кроме думских дьяков, присутствовали толмач Беклемишев и управитель посольского приказа боярин Фёдор Алексеевич Головин.

С Витвортом разговор пустой вышел. Опять шла речь о торговых интересах Британии на Севере, о лесе и пушнине. Договорились решить эти вопросы на будущей неделе. С тем и разошлись.

С Мустафой – интереснее получилось. Говорили без толмача, по-немецки.

– Великий цезарь, – начал Мустафа – Великий повелитель Востока, повелитель правоверных....

– Да ладно, давай к делу.

– Мой султан, Ахмед, шлёт тебе братский привет и пожелания крепкого здоровья....

– Давай переходи уже к делу, что ты передо мной так выживаешься...

– Только терпеливый осилит дорогу – торопливый же – упадёт – парировал Мустафа реплику Петра цитатой из Саади.

– Это ты, что ли придумал.

– Нет, это великий древний турецкий поэт сказал. А ещё он сказал – мудрость великих есть познание мудрости древних.

– Правильно сказал. Давай дальше.

– Мой повелитель желает тебе одолеть врагов твоих на поле брани. Твои победы, равно как и победы турецкого оружия, обеспечат долгий мир и процветание нашим странам, и позволят не допустить умножению хаоса на Земле. И в знак признания нашей дружбы, нерушимости наших мирных договорённостей, наш великий султан дарит тебе, о великий Цезарь, отрока эфиопских кровей. Оный отрок отличается необычайными способностями....

– Вот те раз, подумал Пётр, где же посланец мой, Алёшка, что же такое случилось.

– Ну, давай, показывай, отрока-то.

– Дело в том, о великий владыка Севера, что твои послы, граф Толстой и его помощник, вместе с отроком пересекли нашу границу у Дубоссар. Мы полагали, что они уже в Москве...

– А что там у вас в Османии было летом, что-то слышал я янычары взбунтовались...

– Наш Великий визирь оказался злодеем. Понукаемый нашим общим неприятелем Карлом, он замыслил против своего повелителя недоброе, с целью втянуть нас в братоубийственную войну против тебя и использовал для своих гнусных целей доблестных янычар. Но, Слава Аллаху, его планы были во время разоблачены, и сам он окончил своё подлое земное существование, будучи посаженным на кол на дворцовой площади.

– Значит так, – подумал Пётр, – ребята поручение выполнили, сыночка моего в Туретчине уже нету. А где же он? Где Пётр Толстой. Писем от него уже, как два месяца нету. Надо слать новое посольство, а этих искать Малороссии, в Киеве.

Приём окончился конфузом, но Петра это не смутило. Дело было сделано, сын негритянский его или в где-то в России или на том свете. Опасность будущей смуты устранена, а уж с Сашкой я сам разберусь – подумал царь.

Глава одиннадцатая

Зреет измена

*Украина глухо волновалась,
Давно в ней искра разгоралась.*

*Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,*

(А. С. Пушкин «Полтава»)

Уже как два месяца Толстой с Саввой Рагузинским, Алёшка Синельник с Давыдом и эфипский отрок Абрашка находятся в почётном плену у самодержца украинского – гетмана Мазепы, в его стольном родовом городе – Батурине.

После ночной переправы у Дубоссар не пошли они прямо на Киев – Алёшка настоял. Помнил он царёв наказ – опасаться Сашки Меньшикова и людишек евойных. Да и засада в Галиче ещё помнилась. Пётр Толстой и Савва не понимали, почему Алёшка так сторожится царёва любимца, да пригрозил Алёшка оружием, и они оказались, как бы под арестом у него. И действительно, по всему королевству Польскому рыскали Сашкины отряды, пытаясь обнаружить беглецов, но их, как след простыл. Шли только по ночам, отсиживаясь днём по хуторам. Днепр переплыли ночью близ Канева и пошли прямо на Ромны. Помогало и то, что основная часть русского войска вместе с Сашкой Меньшиковым была в Польше – оставались только вспомогательные отряды, да Мазепины казаки. В Ромнах и схватили их люди из полка Григоренка. Уже под утро, когда искали где передневать, наскочили они на сердюков.

– Кто такие! – грозно вопрошал казачий старшина, грузный сивоусый казачина. Почему без охраны. Чо везёте, уж не лазутчики ли какие! А ну докладай!

– Братцы, царёвы люди мы, до Москвы пробираемся, пан старшина. Из турецкой неволи бежим. Вы б нам помогли бы. Господь отблагодарит за милость вашу.... – отвечал за всех Алёшка.

– Да ты я бачу с казаков будешь, по выправке видать?

– Да пан старшина, донской казак я, станицы Семикаракорской.

– А не знаком ли тебе старшина Булавин Кондратий, нашего гетмана дружина?

– Приходилось повидаться, и хорунжий егоный Некрас знаком мне...

– А это чо за людишки с тобой? – старшина смягчился. Вокруг в полумраке теснились и гарцевали на сытых храпящих конях запорожцы, в красных зипунах, голубых шароварах, все с вислыми усами, в белых папахах, вооружённые пиками и с саблями наголо. Взгляды злые, настороженные. – Шо за москалики?

– Пан старшина, казачок-то ций доповидається минэ. Я яго у Бирючем Куту бачив. Он з низовами нас да крымцев дюже порубал. В сабли его, вражина, москальская собака, порубаю гнида! – вскричал молодой казак на рыжем коньке и пристав на стремянах взмахнул клинком.

– Тю, Остынь, Корыто, вот к батьке доставим, он и разберётся. Люди не простые. А это чо за морда чёрная як у чорта, тфу ты господи, сгинь нечистая сила!

– Не тронь, – это султанов подарок царю батюшке нашему везём – с трудом вымолвил Толстой.

– Да ты я бачу барин знатный, вот посидишь у нас на цепи, у яме, як собака у миг охолонишь. Ваш ирод, антихрист царь нам не указ, чорт его раздери. А ну пошёл, собака, Геть шибче...

Телега с беглецами, в окружении галдящих запорожцев двинулась на север, в сторону Батурина.

К вечеру были уже в Батурине. Мазепа встретил приветливо. Накормил, напоил. Всё охал, да постанывал.

– Вот бачите родные мои, як я стар стал, да немощен, усё болею да болею... Уж и не ведаю, як выберусь з хворобы своей. Ушёл бы давно, к бисовой матери, на покой, при моей-то старости да немощи, мне ль державою править. Да вот не на кого, вишь ты, неньку Украину нашу оставить, будь она неладна. С помощники мои молоды больно, горячи, в правлениях хитростей да умствования не зело сведущи. Государь – то, наш Пётр Алексеевич, надёжа наша,

слава богу страдальцу нашему Иисусу Христу, вверх берёт кажися над гордыми свейцами. Вот она и свобода наша любезная – близка уже, как зоренька на небушке. Страна – то наша, чистая дева страданица, уж очень войнами да распрями измучена...

Мазепа говорил много, витиевато и совершенно непонятно о чём, очаровывая своим скрипучим голосом, не давая ни ответить, ни хоть как-то понять о чём он говорит и куда клонит. Серое, мягкое лицо его, с вислыми седыми усами, глубокие морщины на щеках и на лбу, брезгливо опущенные губы – старик стариком, и только ярко – серые жёсткие, почти жестокие глаза, суровый, испытующий взгляд из под седых мохнатых бровей выдавали в нём сильную, страстную натуру, обезоруживали собеседников его своей непонятностью, двойственностью и чарующим малороссийским обаянием. По крайней мере было ясно, что ни в его словах, ни в его внешности ничего не было ясно. То ли друг, то ли вражина, поди разбери.

– А шо за хлопчик з вама, чернявый дитятя, як чорт хвостатый, и шо за дела у вас в стране нашей?...

– Господин Мазепа, Иван Степанович, – говорил Пётр, за старшего, – отрок этот есть султана Ахмеда подарок государю нашему, везём мы его, Петру Ляксеечу, а бежим мы из Туретчины, по причине смуты тамошней и от преследования Визиря ихнего, Ахмед Паши, кой злодей погубить нас замыслил, что бы войну затеять супротив государя нашего и державы нашей. Что бы Украину несчастную полонить и всех её благородных детей в басурманство обратить, против веры нашей православной Христовой...

Толстой мало в чём уступал в разговорчивости и красноречии Мазепе, но при этом нить разговора в отличие от речи Мазепы, никогда не ускользала. Соперники внимательно приглядывались друг к другу... Всё время разговора Савва Рагузинский сидел опустив взгляд, оценивая ситуацию. Было понятно, что убить пленников Мазепа испугается, испугается он царского гнева, но и вернуть их назад в Порту вполне может, или, что во сто крат хуже, продать их Карлу. Короче, добра от него уж и не жди....

– Подарок гутаришь.... – хитро прищурился Мазепа.

– А почему же не золото-серебро, ни шелка, а хлопчук чудной. Такой подарунок странный... Он шо, и по нашему гутарить могёт. А ну ка ответствуй, хлопчик, як кличут тебя, як мамка тебя звала.

– Абрам – тихо, почти не слышно, прошептал Абрам.

– Як, так ты мало, шо чёрный, як чорт, як страхи ночные, будь воны проклятые, так ты ще и жид поганий, бисовское отродье христиан наших погубитель....

– Малого Ибрагимом кличут – встрял Алёшка, понимая, что дело принимает плохой оборот.

– Ну Ибрагим, так Ибрагим, – внезапно смягчился гетман – а ты часом не тот ли москаль, шо казаков наших под Бирючим тысячи несметные порубал, кровушку нашу невинную пролил. Наши то хлопчики тебя признали...

– Ну так они ж супротив царя нашего пошли. А я ж за дело государя нашего бился, супротив басурман, а они, казаки твои обмануты были да подневольны, на недоброе польстились... – набравшись смелости парировал Алёшка.

– Ну в общем так, хлопцы, – внезапно заключил допрос Мазепа, – погостуйте у меня трохи, отдохните с дороги тяжкой, хлебушка с солью нашего поешьте, пока то да сё, а як там дале будя – господь решит а я накажу. Помолимся ему братия за щастие наше, за Украину нашу многотерпную, хай усё будя добре.

На этом разговор и закончился.

Всю компанию поместили в хате, на краю огороженного земляным валом городка. К ним приставили охрану, в город не выпускали, разрешая гулять только возле хаты.

Коротали время за разговорами. Савва занимался с Абрамом русским языком, обучал его азам арифметики и геометрии. Мальчонка был исключительных способностей. Вскоре он

уже сносно говорил ещё на одном, чужом для себя языке, свободно складывал и вычитал трёхзначные числа, рисовал на песке фигуры, выявляя при этом явные способности к математическим выводам, играя с числами и с геометрическими фигурами, как с костями. Казаки принесли пленникам карты, и они коротали жаркие степные вечера игрой в подкидного. Вскоре Абрам стал побеждать всех в эту непростую игру, и Савва попросил казаков принести им шахматы. Мазепа распорядился специально для них привести из Сечи старинные турецкие шахматы и Савва обучил Абрама азам этой мудрой древней игры, и мальчик настолько преуспел в этой наиумнейшей забаве, что уже вскоре стал побеждать и своего учителя.

– Да... размышлял и удивлялся Алёшка – не зря хлопчика нашего государь к себе затребовал. Большим енералом негра наш буйть.

Надо сказать, что за время дороги, и Толстой и Савва и Лёха и Давыд, привязались к нему, как к своему родному, поражаясь его уму, душевной доброте и не детской уже мудрости и терпению.

Так проходили день за днём. Мазепа больше с ними не общался и, как будто, забыл о них. На все их просьбы он отвечал непонятным а потому и угрожающим молчанием.

К осени стали прибывать в Батурин подводы со всяким снаряжением. Воз за возом привозили казаки пушки, бочки пороха, хлеба, гнали овец, табуны лошадей. Казаки то прибывали в город, наполняя его шумом, гвалтом, пьяными криками и песням, то исчезали почти совсем, и город затихал в ожидании очередного наплыва. Судя по всему, Мазепа из города не отлучался, постоянно находясь под защитой городских укреплений. Видел Савва, как приезжали к нему разные странные люди. Однажды рано утром видел он, как через главные городские ворота проехал эскорт из нескольких всадников, одетых в синюю шведскую кавалерийскую форму. Иногда в городе слышалась польская и немецкая речь. Приезжали и татары из Крыма и турки. Однажды услышал Савва разговор казаков из охраны. Дело было поздно ночью, во дворе горел костёр, становилось уже прохладно и казаки грелись у костра. Они были сильно пьяные, поэтому речь их была слышна даже в горнице.

– Ой, Дмитро, чуешь, когда ж батька нас на москалей повидэ. Сил уже моих нет, уж и не можно духу ихнего терпеть в Украине.

– Вот погоду, Орлик говаривал, ещё не время, нет пока наших сил. Вот, как свеец Карла придёт, одолеет антихриста, так все вместе и погоним москалей вонючих, вот тогда и погуляем.

– А пойдёт ли Сечь за батькой, ведь есть казаки, шо сомневаются, думают, шо сила москальская вверх берёт.

– Да не сомневайся ты, Кори́то, не возьмет уже их сила. Вона, дружина батькина – Булавин Кондратий на Дону дело затеял, у Бахмуте народ собирает, на копях соляных, а там и Кагальницкий городок возьмет. А ежели ещё и султан поднапрёт, то и крышка Антихристу будет. На то лето в Москве погуляем, помяни моё слово. Только надо терпеть трохи, терпеть, уж недолго осталось...

Этот разговор Савва обсудил с Петром Толстым и с Алёшкой. Дальше тянуть было нельзя, – надо срочно сообщить государю о готовящейся измене. Надо бежать, но как. Всем пятерым им не выбраться. Ломали голову так и эдак долго. На третью ночь Пётр Толстой предложил бежать одному только Савве. Если он, даст бог, выберется из города, а паче доберётся до Москвы, до государя, то гетман уже не посмеет тронуть ни Толстого, ни мальчонку – гетман расчётлив, коварен, но и труслив. Для спасения своей шкуры, пришлёт он их в Москву, выдаст царю с почетом, и тем самым постарается заслужить себе прощения и оправдания за готовившуюся измену. Расчёт был коварный, но верный, хоть и рискованный, да и другого выбора уже не было. С каждым днём их судьба и судьба мальчика всё больше и больше завесила от военного счастья России на полях Велико Польши и Саксонии. А судя по всему, они там у Сашки Меньшикова складывались не так, как хотелось бы того царю. Алёшке бежать было нельзя, так как только он отвечает головой за отрока, да и вдвоём с Давыдом бежать труднее,

чем одному, Пётр же Толстой стар, да и фигура очень уж приметная. Савва, после некоторого размышления одобрил этот план. Алёшка не возражал, так как от мальчика он не отдалялся и потому наказ царёв выполнял. На том и порешили. Нужно было раздобыть казачью форму по росту и сбрить заметную Саввину броду, а там даст бог в ночи и уйдёт он от погони.

На следующий вечер попросили они охранников принести им поболее зелена вина, мол, так и так, хотят они Алёшкины именины справить. Принесли им полбочонка наипервейшего, прозрачного, как слеза, первача. Сели снедать да праздновать, да и позвали казаков – уважить Алёшку. Алёшка мастер был по этому делу – вино пить – одно слово – казак донской. Как выпили по четвёртой, Алёшка и разошёлся – никогда, кричит, ещё донские запорожцам не уступали, мол давай на спор, кто больше выпьет, да не упадёт. Толстой да Давыд отговаривают его, ты что, братуха, совсем спятил, сгоришь ведь. А он всё одно, я, мол, за Дон Батюшку постою, душу свою продам, но никогда донцы хохлам не уступали... И пошло-поехало... Через час Кoryто и второй охранник были мертвецки пьяны, Алёшка выпил жбан горькой тёплой воды, вышел на баз и вырыгал полведра, чуть очухался. Раздели они Кoryто, а уж Савва бритый, помолодевший на двадцать лет, надел его зипун, шаровары, папаху натянул, чуб свой чёрный из под папахи выставил, ну казак казаком., вышел на баз вскочил на коня, перекрестился по православному и в ночной тишине медленно, шагом выехал на дорогу. Уж у городских ворот его только стража окликнула.

– Сто-ой, кто це буде на нич хлядя?

– Це ж я, Кoryто, чи не познау, до Путивля иеду, батька пислал.

– Ну давай казаче, бох тобі у помочь.

В темноте не замеченный Савва выехал на большую дорогу. До утра погони не жди, надо ехать по звёздам, прямо на север, на Стародуб, а оттуда на восток в Воронеж...

Давыд и Толстой выпили ещё прилично, и все пятеро дружно захрапели во сне.

Утром, когда пришла смена, обнаружили пропажу, но добудиться до полудня никого не смогли. Мертвецки пьяные казаки и Пётр Толстой не могли объяснить толком ничего вразумительного. На следующее утро появился сам Иван Степанович Мазепа. Облик его являл полную противоположность их первому свиданию, сама ярость и решительность. Куда девались его хворь и жалобы.

– Ну ты и гусь сраный – обратился он к Толстому – самого гетмана перехитрить надумал! – понял Толстой, что план удался, не поймали казаки Савву – Кого ж ты, бисово отродье, обмануть затеял. А как я вас щас на куски прикажу порвать, или казакам моим отдам на растерзание...

– Не посмеешь, смерд старый – твёрдо отвечал Толстой – Государь наш прознает, что ты его людей безвинных погубил да подарок евойный от султана загубил, так он тебя яйца твои же поганые, съесть заставит, да из жопы твоей старой лампасы дружкам твоим подлым понашьёт, али ты батюшку – государя нашего не знаешь. Хватит комедь ломать, вели запрягать, да с почётом отправляй не медля нас на Москву.

– Иш ты скорый какой, на Москву, с почётом... Гетман помолчал, но выхода у него уже не было, впервые в жизни его так подло перехитрили. Надо было принимать все меры для сочинения оправдания. Зная Петра, Мазепа понимал, как он, гетман, пока нужен ему здесь, в Украине. Очень рассчитывает Пётр на него, лиса старого, поэтому колебания и сомнения простить сможет грозный царь, закроет глаза на слухи об измене, на колебания гетмана, но открытого предательства не простит никогда, Толстой был прав, придётся съесть собственные яйца, если навредит он сейчас царёвым людям. Скрежеща зубами от бессильной ярости, он кликнул казаков и велел запрягать.

Глава двенадцатая

Царёва милость

Медленно и тягуче ползёт посольский обоз с казаками по разбитым дорогам Северной Украины, прямо на север, к Москве. Немазаная телега скрипит, грязь под ногами лошадей чавкает, казаки, перекликаясь, скачут вдоль обоза. Иногда, что б скоротать долгий путь, затевают они свои бесконечные и грустные песни. Мелодичное их многоголосье наполняет душу тоской и печалью. А то вдруг как грянет удалой казачий гопак, ноги так сами и задвигаются в такт – э-эх, раззудись плечо, так и хочется душе в присядку грянуть. Потом опять тягучее, про неразделённую любовь, про нэньку Украину, про вербу над Днипром, да про подвиги казацкие.

И так день за днём. Полились уже проливные холодные дожди, дороги развезло, лошади выбиваются из сил. По ночам ударили заморозки, но днём дорога опять раскисает, и вновь и вновь чавкает под копытами унылых лошадей жирный украинский чернозём. Ближе уже к Мценску, на рассвете, пошёл ранний, внезапный для этого времени, мокрый снег. Абрам впервые в жизни увидел, как с неба падают белые снежинки.

– Дядька Давыд, а что это за белые мухи такие летают, – спрашивал он Давыда.

– Это снег, хлопчик, виш как у нас, ты ж, поди, и в жизни-то своей такого чуда не видывал ешо. Вот погоду, всю землю покроить, деревья, дороги, всё побелит. Красиво, как в сказке. Вот увидишь.

– А как это без земли, как же люди проживут без земли, если всё покроет?

– А земля спать зимой, сынок, отдыхает значить, вот ты ночью же спишь, ну и земля должна тоже.

– А у нас, зато каналы есть, зимой, как стекло становятся, дети на железках катаются.

– Ты, слыш-ка, Ибрагим – встрял Алёшка в разговор – ты про каналы-то свои забудь напрочь. Ты лучше думай так, что ты есть родом из негритянской страны, из неё – то и в Туретчину прибыл, и все думать должны так же, что ты оттудова приехал. Ты и батюшке-царю нашему и всем – всем говори, что я де из негритянской страны, негра я черномазая, приехал, а тама все люди черномазые и голые на деревьях райских живут и яблоки свои негритянские лопают.

– А почему, дядька Алошка мне не можно про..., ну, про мамку мою гуторить, да про страну мою, где раньше жил, да про госпожу Сабрину, да про господ камергеров, и господина Михеля, рассказывать не можно?...

– Да потому, родимый, что не сносить нам всем тогда головы, и тебе и дядьке Давыду и дядьке Петру и дядьке Саввушке... Всем нам наш царь – батюшка головки наши посрубаёт.

– А почему?...

– Почему, почему, сказано тебе, ирод, слушай старших, такой вот у нас царь – батюшка, чуть шо не по ём, вмиг головку-то и срубить. А так он добрый и хороший. Мы все, как евойные дети, он добрый, но дюжа строгий. Мы все ему служим, и ты вырастешь – будешь ему служить с радостью и с почтением.

– Дядька Алошка, а царь страшный?

– Да нет, если слушаешь его, да наказы его строго – настрого выполняешь, совсем даже и не страшный.

– А тебя он наказывал?

– Пока нет, но если ты меня не послушаешь, то накажет очень строго. Запомни, ирод, на всю жизнь свою чёрную запомни, если где проговоришься, что в Голландиях своих жил, простися с жизнью своею, да и с нашей тож. А у меня ведь детишков своих двое растут, мальчонка, ну точно как ты, малой, тоже смышлёныш да разумец, и его царь – батюшка не помиловать. Потому как это есть самая страшная государственная и военная тайна...

– А самому думать про мамку можно, очень я по ней скучаю...? Она ведь правда не умерла...?

– Думать то можно, но лучше-ка забудь совсем, а то ляпнешь ешо день-будь. А мамка твоя жива, я сам видел, как её дядьки янычары из моря вытащили, и во дворец отвели. Она сейчас про тебя вспоминает и желает, что б ты меня слухався.

– А тётка Земфира умела?

– Не, И она не умерла, только устала очень и спать легла.

Всё время в пути Алексей возвращался к этой страшной теме, недоумливая Абрама, что он приехал из Африки. А подсказал ему об этом Пётр Толстой.

Он сидел в телеге, с головой укутанный в вонючий овчинный тулуп, и размышлял о том, чем же закончится их необычное и столь рискованное предприятие. – “Странное и опасное дело задумал государь. Ведь если всё будет хорошо, и они все доберутся благополучно до Москвы, а при дворе прознают, каков в действительности султан послал ему подарок, начнётся при дворе великая смута. И Марта и Меньшиков, и царевич Алексей с Лопухинными, все постараются избавиться от нежеланного соперника, а заодно и от всех участников предприятия. А даже и не прознают, если, то зачем государю лишние свидетели. Да и сам государь, сегодня подумал одно – привезли, невинных людей погубили, дитя от матери отняли, а завтра – вдруг не понадобится, или настроение испортилось, али политес того потребуе, то загубит он душу невинную и чистую, кровиночку свою родную, и не засумневается. Вот таков у нас ныне государь, такие вот жестокие времена. А ведь, если поразмыслить здраво, мозгами пошевелить, то и прав выходит он – государь – то наш, и не выходит по-другому-то державу строить, кроме как с жестокостью и строгостью такой. По-другому – доброму быть – значит отдать Русь – Матушку на поругание супостатам. А там уже кровушки русской прольётся не меряно. И детей от матерей оторвут, и города спалят, и веру православную уничтожат, всех рабами исделают, как при Батые В этом Пётр, как государев человек, размышляющий и знающий нравы своего времени, не сомневался. Потому и служил ему – Анчихристу, потому как лучше него никто не смог Русь святую защитить и державу преумножить.

Другой проблемой, которая мучила Толстого всю долгую и тяжёлую дорогу, была судьба Саввы и всех участников предприятия. Ведь супостат Мазепа, несомненно, отправил с обозом оправдательное письмо, на случай, если они донесут про измену. – А вдруг как Савва уже в Москве и донёс царю, про дела Мазепины, про его сношение со шведом, а царь вдруг возьмёт да поверит Мазепе, а не Савве, то не сносить нам всем тогда головы, думал Толстой. – А если не донёс, а обоза всё нет и нет, государь, почуяв недоброе, снесёт нам всем башку за то, что не донесли. Вот этого они с Саввой и не обговорили. Вот это засада, так засада. Но отступать уж поздно, карты брошены. Теперь можно положиться только на случай. Надо держаться твёрдо, не лебезить, но и не торопиться лезть с доносом. Государь будет расспрашивать о делах посольских о султанах и смуте турецкой и о дороге тож. Ежели спросит об Мазепе, рассказать всё, но самому поперёд не высываться. На том и порешил.

Уже стала зима, телеги сменили на сани, и дело пошло веселей. Сразу за Серпуховом встретил обоз Савва, уже и в парадном мундире, борода вновь отросла. Гарцует на откормленном гнедом коне – красавец красавцем. Счастливая улыбка озаряет его суровое лицо – лицо настоящего воина. Вся компания счастливо обнялась. Надо сказать, что за время похода они срослись-сдружились, стали, как родные братья друг другу. Особенно радовался долгожданной встрече Абрам.

– Дядька Савва, дядька Савва, ты приехал, я ждал тебя, я, правда, не плакал, я уже большой, но скучал очень.

– Ах, ты ж дитятко черномазое, родненький ты наш – обнимал его Савва, отворачиваясь от товарищей, что бы спрятать набежавшую неожиданную слезу...

Перед Коломной остановились на последний, наверное, уж перед Москвой, ночлег. Крепко выпили напоследок, авось в последний раз вместе.

– Эх, ребята – рассупонился спяну Алёшка – Ежели б вы знали, если бы ведали, что я чуть было греха на душу не взял. Должон был я вас и дитятю нашего родимого порешить, ежели предприятие наше не удастся, ежели погоня нас одолеет, так государь наш мне повелел, а в заложниках у него – и жена моя молодая, да и двое детишков малых...

– А что, так и зарезал бы нас? – спросил Савва с поддевкой.

– Раньше бы зарезал, брехать не буду, а теперь уж и не знаю.

– Это что, той ночью тогда, на причале?

– А ты чо, значитца всё слыхивал, и мысли мои ведал и ничего не сказал?

– Эх Алёха, Алёха – побратим ты мой дорогой, все мы есть людишки подневольные и собой распоряжаться мы уж не свободны. Вот мы сейчас прибудем ко двору, дитя нашего родного отдадим государю, и что с ним и с нами далее будет, того не ведаем и ведать не можем. Может никогда уж больше и не свидимся, хотя лучших друзей и братьев, в жизни моей беспутной может и не было... – Савва опять прослезился.

– Дядька Савва, не отдавай меня царю, я с вами быть хочу, вы хорошие, я вас очень лублю... – заплакал Абрам.

– А ты запомни, Ибрагим, ты теперь есть государственный человек, тебе теперь не пристало плакать. – Вступил в разговор Пётр Толстой – Ты должён служить там, где тебя определит наш государь, на благо отчизны нашей. Тебе господь дал ум пытливый и душу добрую и ласковую, даром, что черномазый. Так должён ты эти свои свойства и способности, богом нашим Иисусом Христом, данные, определить во благо отечества нашего, во благо народа нашего многострадального. Учися прилежно с усердием, постигай науки всякие, да и нас не позорь и вспоминай с добром и благодарностью. А вам ребята я, старый уже человек, скажу вот что. Много лиха мы пережили за этот год, жизнями своими рисковали и других жизней не жалели. Да и сейчас ещё не знаемо, как дело обернётся, только вот что я скажу. Жизнь может развести нас и поставить в разные места, а то и друг супротив дружку. Но давайте-ка вот прямо сейчас дадим мы клятву верную, на крови нашей поклянёмся, что не замыслим мы супротив друг друга никакой низкой подлости и корысти, и всегда, когда только возможно будет, когда обстоятельства жизни позволят, будем помогать и друг другу и сыну нашему названному, что б вырос он достойным и верным человеком, отечеству нашему и слуга, и слава и опора. Давайте-ка выпьем крепко братия, за нас, за нашу удачу и за нашу дружбу.

– А можно мне, казаку, слово молвить? – встрял Давыд.

– Ну, давай, говори.

– Я по простому, по казацки, буду говорить. Я простой слуга, денщик, знатца, у Алёхи нашего. Много и в станице и в полку повидал. Моё дело, как говорится, сторона, только вот что я скажу. На погибель мы сейчас дитя отдаём. Сердце моё кровью обливается. Много я сам душ в бою загубил, но ентово хлопчика полюбил я пуще родного. Да и вас всех тоже, и тебя Савва, отчаянная твоя голова, и тебя князь, прости за ради бога, что не по чину говорю, а про тебя Алёха и говорить вовсе нече, ты ж мне как сын родной. Так вот я и гутарю, айда-ка братцы мои на Дон, айда на волю вольную, казачью, будем жить вольно, по совести, и никому подневольны не будем. А то всю жизнь нашу слезьми обольёмся, что такое славное дитятко загубили. Усё, прости Господи, может чего и лишнего сказал...

– Нет, братец, Давыд, нет нам туда дороги, везде государь найдёт. Да и воли уж прежней на Дону нету. Скоро война там будет кровавая, подомнёт пятой своей царь наш вольницу Донскую, снимет шапку Тихий Дон и поклонится – покориться государству Русскому – царю-батюшке. А бегунцами нам жить, по чужбинам скитаться и милости у врагов наших выпрашивать, так то не про нас песня эта будет, вот и выходит, что нету у нас другой дороги, окромя как на Москву сейчас двигаться и за порученное дело ответ держать перед царём нашим. Наша

служба и есть вся наша жизнь и определение в ней. А дитятко наше черномазенькое, будем при дворе оберегать, и дай бог не погубим.

Не очень радостным было возвращение. Царь Пётр сначала принял послов от Мазепы. Два дня посольство наше провело в стенах тайной канцелярии, в пыточной башне. За толстыми стенами слышны были ужасные вопли несчастных пытаемых, помещение почти не отапливалось, одинокая свеча тускло озаряла грязевые в потёках серы и застарелой крови кирпичные стены, было холодно и тревожно, по полу шныряли крысы, со стен капала вода, в общем, жуть, да и только. Хорошо ещё, что не разлучали их пока. Ибрагим тихо плакал, жался к Давыду и просил хлеба.

На второй день беглецов наших освободили, поместили уже в гостевых палатах, истопили баньку, накормили, напоили. А к вечеру уже попали они на шумный царский ужин – ассамблею, где вовсю пила и веселилась, танцевала новые европейские менуеты и танцы, пускала фейерверки и любовалась кривлянием придворных шутов. Вся придворная челядь – думские бояре, с бритыми голыми мордами, да в напыленных ни к селу ни к городу напудренных париках, новые царёвы сподвижники, молодые и старые немецкие да голландские дворяне, напыщенные, презрительно поджимающие губы и бравые офицеры, ищущие на балах сомнительных приключений, дочери боярские, в нелепо сидящих на них европейских платьях с оттопыренными задами, красномордые и потные. Пуще всех был весел и разгулен царь. Наливал гостям полные чаши мёду и вин заморских, а також и русского зелена – вина и зорко следил, что б гости были пьяны и лыка не вязали. Когда, кто-нибудь падал с ног от вина, он весело, по-мальчишески заливался громовым смехом, и обращался к Марте своей полюбовнице.

– Ну, каков каналья? Видала, как нахрюкался, аки свинья подзаборная...

– Ну что ж молодцы, показывайте ваше сокровище, подарок султанов. У меня уже два негритоса имеется, я их с карлами да со зверями диковинными заморскими содержу. Что – то мне султан прислал в сюрпризу, поглядим ка на подарок его? Да и повеселимся от души...

Толстой вытолкнул на середину залы совершенно обескураженного и вконец потерянного Абрама.

– Кланяйся царю-батюшке, ирод черномазый, кланяйся да за ласку благодари!..

– Здластуй господин наш цар батюшка. Желаю вам вечно здластвовать и не болеть – тоненьким своим голоском прошептал Абрам.

Придворные угодливо залились ехидным смехом, шут Балакирев, звеня колокольчиками, высунув язык и скорчив страшную рожу, прыгал вокруг в конец оконфузившегося мальчика – Тю-тю-тю... негра чумазая, чур меня, чур меня... Красномордые придворные дамы в корсетах, из которых тела выпирали, как тесто из жбана, жеманно улыбались и хихикали – Тю... какое уродство, какой ужас, Фи, чучело-то какое, но всё ж государю потеха и утешение.

– Ваше величество – отчаянно смело попытался прервать это издевательство Толстой – ты не смотри, что он чёрного цвету, ты на ум его испытай, на его способности, мальчонка – то умён да сметлив, каких ещё и свет не видывал.

Взгляд Петра стал холодным и жестоким. Как будто и не пил ничего.

– Ну, правда, Петенька, свет мой ясный – встряла Марта, широко и по доброму улыбаясь своей белозубой и открытой улыбкой, – испытай-ка учёность его, ведь не просто же негру Ахмед тебе в подарок прислал, говаривали же, что он учёности и сметливости необыкновенной, а мы все – рабы твои – и посмотрим, что же это за чудо такое. Ну, право, Петенька, испытай...

– Испытай, испытай! – загалдела вся пьяная ассамблея.

Пётр сразу узнал в хлопчике и мать его – негритянку и свои черты, черты Петра, – они явно проглядывали в облике этого малыша.

– Ну, лады, уговорили черти – Пётр сел на край деревянного стула, вытянув свои длинные ноги, закурил любимую голландскую трубку. Зелёный ароматный дым клубами заполнил залу.

– А ну-ка скажи нам приятель, как звать – то тебя?

– Звать меня Ибрагим, цар-батушка, но мамка моя звала меня Абрам, в честь праотца нашего, праотца всех народов и племён на земле – Абрам элегантно поклонился.

– Ну, чудно, – засмеялся Пётр – Неужто и впрямь Абрамом кличут.

– Так меня мамка звала, а басурманы Ибрагимом прозвали.

– А что ты знаешь ещё, арифметику можешь отвечать?

– Знаю господин цар-батушка.

– А ну-ка сложи мне сто рублёв, да двести сорок два рубля!

– Триста сорок два рубля – без запинки отвечал Абрам.

Пётр задавал и задавал вопросы по арифметике, Абрам без запинок отвечал, решая мгновенно в уме задачки на сложение и вычитание. Зала притихла, только шут всё прыгал вокруг и пытался вернуть себе внимание ассамблеи.

– Поди прочь, а то прибью! – рявкнул Пётр. Его всё больше и больше интересовывал этот мальчонка. – Ну а геометрию ты знаешь? Фигуры всякие, как их переворачивать и во что они образуются?

– Знаю, цар-батюшка – окрепшим уже голосом отвечал Абрам.

– А что это за фигура такая? – Пётр вытряс уголёк из трубки прямо на батистовую скатерть и нарисовал им дом, в форме трапеции.

– Эта фигура кличется трапецией, а если так нарисовать – Абрам пририсовал в линейной перспективе грани – то получим пирамиду. Такие пирамиды в Египте в древние времена были построены, там ихних царей хоронили...

Пётр от удивления аж крякнул.

– Ваше величество – опять, уже посмелей и уверенней, встрял Толстой – ты его в шахматы индийские испытай, али в карты.

– Нету у меня шахмат. А вот шашки есть. Тащи сюда.

Принесли шашки. Абрам ещё не видел этой игры, и Пётр показал ему, как играть.

Стали играть первую партию. Абрам проиграл, так как не знал ещё про дамок и как берут за фука. Вторую сыграли вничью. В третьей Пётр был разбит напрочь. В четвёртой то же. Зал притих, ожидая вспышки царёвой ярости и дальнейшей расправы. Но после пятой партии Пётр обнял Абрама, расцеловал его и залился счастливым раскатистым смехом.

– Вот, каналья, вот фрукт какой, самого царя раком поставил, вот умница каков а? – с гордостью вопрошал он в залу... – Ну всё подите, все прочь, завтра поговорим о делах, а мальчонку забираю я к себе, на воспитание. Изделаю из него настоящего мужа, будет царю надёжа и опора...

Наутро в своём рабочем кабинете протрезвевший Пётр по очереди допрашивал наших героев о выполнении задания.

Первым давал показания Толстой. Речь шла не токмо о похищении сына, но и о положении в Порте и сопредельных государств, перспективах дальнейшего мира с ней, о европейском политесе и, главное, о возможном и предполагаемом предательстве Мазепы. Пётр высказал своё недовольство позицией Толстого.

– Вот читай, что гетман пишет. На тебя, между прочим, жалуется, что ты де безосновательно его в измене подозреваешь и препоны его службы чинишь. Гетман есть мой лучший друг на Украине, моя опора в войне с шведским супостатом. Да и от крымцев и турок прикрывает. А как я его в измене уличу да каре подвергну, то весь юг и запылает, и Дон поднимется и в Полесье буза начнётся...

– Государь, я человек маленький, я токмо твои уши, а ты голова. Ты должён поступать, как тебе и державе нашей потребно, а моё дело – тебя во время уведомить и от опасностей предупредить.

– Да как же я могу, каналья ты старая, с Мазепою сношаться и дружбу с ним держать, когда не будет меж нами доверия?

– Государь, доверяй да проверяй.

– Уж не лазутчик ли ты турецкий, уж не шведу ли служишь, старый лис, а ну как проверим тебя шас в пыточной, небось, вся правда-то и выйдет наружу.

– Государь, ты волен поступать, как знаешь, да только не обманись, что б потом локти не кусать, когда этот упырь тебе же самому нож в спину и вонзит. А за дело наше Русское, за тебя, царь-батюшка, я готов и голову сложить, и на пытку пойтить. Ты меня давно знаешь, окромя пользы державе нашей, ни о чём и мыслей в голове не держу.

– Вот тут ещё и Кантемир, господарь Молдавский, на тебя жалуется. Мол загубил ты двух ихних цыганов, а турки возьми да и разори нашего друга барона Ралли, самово в Истамбул под пытки отправили.

– Государь, то дело было, необходимое для исполнения твоего наказа.

– Всё – то ты, старый хрен, знаешь, на всё ответ у тебя есть готовый. Ну вот что, за то, что задание выполнил – благодарю, а за остальное – уволь. Не могу я тебе Софью, сестру мою подлую простить, не могу и всё. Хоть и покаялся ты, да и службу свою верно служишь, да не люб ты мне. На всё-то у тебя своё мнение имеется. Больно уж ты умён да хитёр. Поезжай-ка ты, друг ситный, на годик другой в деревню свою, да подумай про жизнь свою грешную, ты мне здесь не нужен боле пока. Да и в столицах наших гляди не показывайся, пока душа моя не отойдёт. Всё, пошёл вон. Видеть тебя не могу, прохвост старый.

С Саввой у Петра разговор попроще был. Выспрашивал царь про Мазепу, а особенно про Петра Толстого, не замети ли он, Савва, за ним каких-нибудь действий, что бы на измену похожи были. Савва твёрдо отвечал, что ничего такого не видел, а наоборот, всё их мероприятие завершилось столь успешно, благодаря его, Петра Толстого уму, верности царю и твёрдости духа. Царь криво, недовольно улыбался, но назначил Савве поощрение – две тысячи целковых, орден святой Анны, и наказал на новое место службы – во Францию, к послу тамошнему, князю Долгорукому.

С Алёшкой Пётр вообще говорил сквозь зубы всего минут десять. Поблагодарил за службу и наградил деньгами и поместьем на Северской Украине, деревней Раздоры.

– Да, кстати, у тебя там сосед будет добрый, Александр Данилович Меньшиков. Я думаю – вы поладите и будете добрыми друзьями. Отвези семью свою в деревню, а сам возвращайся в полк. Он теперя в Польше стоит, Сашка Меньшиков той ратью командует. На прощанье всё-таки расцеловал и за службу поблагодарил.

В последний раз встретились друзья в кабаке, на окраине Москвы, крепко выпили, подрались с гвардейцами, набузили и навсегда, как им думалось, расстались.

Расстаюсь и я на время со своими друзьями, коих успел уже полюбить, и чью судьбу не мыслю уж без судьбы великой и ужасной, многострадальной отчизны нашей.

Постскриптум:

Через два месяца уже, Пётр вызвал Петра Андреевича Толстого из ссылки и вновь направил его послом в Стамбул. Ещё через полгода он вызвал и Савву Рагузинского из Франции и направил его в Молдавию и Бессарабию, к Кантемиру, налаживать балканскую торговлю и готовить православные народы к возмущению против басурман. Торговал Савва лисьими и соболиными мехами, поставлял оружие в Сербию и Грецию. Участвовал вместе с Шафировым в подкупе Великого Визиря для освобождения государя из Прутского плена, вместе с Петром Толстым вёл переговоры с султаном Ахмедом об условиях перемирия. В 1913 году основал в Москве на Покровке, торговую свою факторию.

Алёшка же Синельник доблестно воевал в Польше, в армии Меншикова, отступал из-под Гродно и Минска, получил за подвиги дворянское звание и чин лейтенанта. Прославился при Лесной, участвовал в обороне Полтавы, сыгравшей решающую роль в Полтавской победе. Во время Прутского похода вместе с Давыдом попал в плен, бежали по старой, известной им уже дороге. В 1713 году переведён в московский гарнизон, где исполнял должность помощника коменданта.

А встретились они с Саввой только через десять лет после описанных походов, в Москве. И ждали их новые, не менее захватывающие приключения. Но это уже другая история.

Из дневника Петра Андреевича Толстого, написанного им в ссылке в деревне Ямы Курской Губернии

Писано от января месяца числа 17 года 1705

Сегодня проснулся я в философическом настроении. Душа моя требует осмысления драматических событий в моей жизни, случившихся в последнее время. Здравомыслие – беспокойна судьба моя. За свои неполные 60 лет прожил я столько жизней, что хватило бы и на несколько поколений. Видел я и взлёты и падения. Бывал заговорщиком и раскался потом, обучился мореходному искусству в зрелом уже возрасте, стал послом государевым и тайным иппиёном. Теперь вот в ссылке прозябаю уже как месяц. Верю я, чуёт моё сердце, что ещё много предстоит мне пережить и испытать.

Меня неизбежно мучает вопрос, который, я сам себе ежечасно задаю. На благо ли отчизне моей выполнил я государево поручение – привёз Петрова сына Абрамику? И на благо ли ему оторвал я его от матери? Попал оный эфийский отрок, душою нежной и утончённой, умом пытливым и талантом одарённый редкостно, в страну варварскую и дикую. Не на погибель ли я его отдал, не на растерзание ли тирану и деспоту кровавому я его обрёк?

Но, положим, остался бы оный отрок в полоне турецком. И использовал бы его Ахмед Паша, как Гришку Отрепьева, как приманку для возведения смуты в Руси. И была бы его судьба ещё более горькая, лютая и страшная. Уж кому что на судьбе писано. Вырастет он здесь, дай бог, человеком умным и честным, будет служить он отчизне нашей верой и правдой и произведёт потомство, коему передастся его душа. И будет потомство оное – гордостью государства нашего. Так, что как ни поверни, как ни терзай душу свою, я поступил правильно, и за деяния мои не должен я испытывать стыда.

Ведь чем больше будет в державе нашей умных и добрых людей, тем быстрее избавится отчизна наша от дикости и рабства векового, тем быстрее воспримет она науки и искусства народов, западных и восточных, тем легче и свободнее будут жить и смерды и господа, наполняя пределы отчизны различными благами и удовольствиями. Но обязательно ли проходить столь кровавый и жестокий путь по дороге к счастливому завтра? И что будет, когда великого государя нашего не станет? Кто унаследует дело его, мысли его, не пойдёт ли всё прахом, как не раз бывало в истории людей? Как должно организовать власть в державе нашей, что бы дело не умирало и что бы кровь человеческая не зря была пролита?

Нету в миру, во всей истории, таких примеров для подражания. Нету нигде справедливого и человеческого управления. Монархи, справедливые и мудрые государи, уходят, и за троны ихние, за власть и господство происходит смута и братоубийство. Там же где дворяне, да бояре ограничивают волю монарха, там везде смута и ослабление государства. Взять, к примеру, Речь Посполитую, где шляхтичи короля выбирают на сейме. Там брат выходит войною на брата, а некогда могучая Империя ныне стала как игрушка в руках европейских монархов. Народ, смерды чёрные, гибнут и нуждаются в хлебе, а шляхта продаёт родину свою за поместья и злато. Нет и у меня ответа. Не постиг я пока премудрость эту.....

Писано от января месяца числа 20 года 1705

Продолжю некоторых мыслей своих изложение. Облегчение положения народа нашего вижу я токмо в повсеместном введении образованности и грамоты. Токмо образованность смягчает нравы народные, т. к. образованный человек и работу свою делает лучше, накапливая и преумножая богатства народные, и семью свою дорожит и чистоту телесную и духовную блюдет. Вот пример, токмо обучения детей дворянских в государствах европейских наукам да грамоте, преумножил и силу нашу военную, усилило ремёсла и торговлю. Но этого мало – народ наш, смерды чёрные, ныне в рабстве прозябают да в темени – вот и нету счастья в земле нашей. А кабы каждый християнин свободен был бы свою землю содержать, да и грамоте учён был, то тянулся б он к свету, к наукам разным, и не было бы в мире сильнее и счастливее народа и все народы и все племена тянулись бы к нам и с нас пример благочестия стремились бы брать.....

Писано от февраля месяца числа 1 года 1705

Подумал я наемдни и о богатствах наших бескрайних. Во благо ли они нам даны? Богата страна наша и минералами и рудой железной и медной и землями и лесами и зверьём разным и пашнями плодороднейшими не обделена. А используем мы это богатство непотребно. Народ прозябает в нужде да бедности. Урожаи снимаем в три разы менее, чем в каменной и горной Италии. Леса истребляем, рудники обрабатываем до запустения. Все изделия железные и медные, орудия труда християнского в Европе закупаем, сами делать не научились. Кожы наши как и ситцы, тонки и воночи, рвутся, как тряпки. Надобно бы нам таким образом ремёсла устроить, что бы товара нашего весь мир искал купить, что бы корабли были лучшие в мире. Вот государь наш мастер на все руки, а флот в Воронеже в реке держит. Через десять – двадцать лет от этих невероятных трудов только гниль и останется. Нешто не знает он, что в несолёной воде дерево гниет в три разы быстрее. Надобно бы государю доклад написать.....

Писано от февраля месяца числа 5 года 1705

При всей огромности страны нашей, при пространствах наших немереных нету у нас надлежащей связи между частями её. Дороги все непроходимые, леса разбойные. Токмо несколько почтовых дорог и имеется. Письма деловые по несколько месяцев в пути прибывают. Отсюда и ненадлежащее исполнение воли государевой и происходит и мздоимство всякое на местах и в губерниях. То же и в армиях наших – один генерал не ведает, что другой выполняет. Вот во флоте флаги сигнальные имеются, знаки другим кораблям дающие. Надо бы заглянуть в архивы государевы, как было организовано почтовое дело у татар поганных, у Батыевой орды. Как это им удалось, вот так вот – вторглись в пределы и рассыпались по Руси. А потом все вместе в нужный час возьми да и соберись на реке Сити и всё русское воинство и погуби, а воины русские ничего про то и не ведали.

Ещё пример. Сколь много народа зазря гибнет в бою при линейном строе воинов. Весь убийственный огонь из орудий да из мушкетов прямо по человекам направлен и разит их немеряно, кои человеки по уставам правильного боя не должны уклоняться от пули и огня. А держат их всех такую плотную массою, что бы они команды единовременно выполняли. Вот кабы была бы у них какая-нибудь такая штука, что б каждый солдат или офицер на расстоянии команду слышал да и единовременно исполнял бы её, то мог бы оный солдат и от огня убийственного схорониться и порядок войсковой соблюсти. Не было бы тогда сильнее и успешнее в деле ратном той армии. Как это дело ранее исполняли ратники конные татарские? Надо бы архивы почитать, да и технику китайскую изучить...

Писано от февраля месяца числа 13 года 1705

Намедни получил я письмо от Меньшикова Александра Даниловича. Удивительный всё-таки феномен – этот сатрап. Ума и отваги необыкновенного. Но совершенно неграмотен и не благороден. За последние годы приобрел онный царедворец на государя нашего огромное влияние. Он, конечно, замечательный воитель, но и вор при этом необыкновенный. Государь пока милостиво позволяет ему запускать по локоть руки свои в казну державную. Пока государь в здравии пребывает, пока он полон энергии и расчётливости, онный вор не очень опасен для государства нашего. Но стоит, не приведи господь, государю захворать, или власть свою ослабить, этот воршика и державу разорит и по ветру пустит все промыслы наши. Вот это будет настоящий деспот. Самые страшные деспоты вырастают из бывших рабов.

Пишет мне Саика о пребывании крестника нашего, Абрашки, при государе. Пишет, что полюбил царь подарка нашего всею душою. Мол, лично с ним занимается науками всякими, к коим у Ибрагима способности необыкновенные. Не понял я токмо, пошто князь написал мне, когда два года ничего уж не писывал. Да и не сообщил ничего важного, а просто так написал, так, мол, и так, все, мол, у меня хорошо, государь и за Нарву и за Дерпт отблагодарил, да и за то, что армию из Минска без потерь, вывел, тоже спасибо на людях сказал. Что-то это письмо должно означать? Надо хорошенько подумать.

Писано от февраля месяца числа 20 года 1705

Получил намедни письмо от самого государя. Пишет, что простил он меня, душой отошёл – очень уж ему Абрам нравится и сметлив мол, он и умён и сердцем добр да ласков. Просит государь меня на Москву явиться да и приступить к прежним своим посольским делам в Стамбуле. Ну что ж, ссылка моя закончилась. Послужим ещё государству нашему. Хорошо бы и с друзьями моими повидаться – с Саввой да с Алёшкой. Ну ладно, пусть там, как бог решит.....

Часть вторая Виктор Петрович

Глава первая Заговор

Проживала ранее посадская девка Глашка в граде Звени городе. Была у отца кой-какая торговлишка, хомутами торговал, упряжью, да кожей сыромятной. Было в семье пятеро детишков, Глаферья третьей уродилась. Девка ладная да видная росла. Уже двенадцати годов сиськи соком налились, огольцы соседские так и норовили, то за сиську ухватиться, то за жопу ущипнуть. Отбивалась, визжала, но честь блюла. По четырнадцати годов полюбил её сосед, кузнеца сынок, Андрюха. Сперва просто так по вечерам гуляли, разговоры разговаривали, хороводы водили, потом втихомолку и тискаться стали. Дело, в общем, к свадьбе и шло, да проезжал как-то барин один столичный в карете, немец али француз, девку увидал, из окошка высунулся и поманил, покажи мол, девица красная, как до тракта московского доехать. Глашка возьми да и подойди к карете. Дверца-то приоткрылась и сильные руки втащили её в карету, чья-то мягкая ладонь зажала рот, кучер хлестанул коней, и тройка унесла девицу красную по морозному тракту.

Домой вернулась через три дня, под глазами синие круги, губы обкусаны, малахай весь испачкан. Вещички собрала молча в узелок, отец было кнутом замахнулся, но поглядел на дочь свою опозоренную, кнут выронил и заплакал горючими слезами. Мать закрыла лицо платком и тихо причитала. Молвила только, что Андрюха наемни из дома ушёл, барскую усадьбу подпалил да и в леса к лихим людям подался. Вышла Глашка на московский тракт и одна пошла по снегу морозному в Москву стольную. Никто во след ей ни слова доброго не сказал, ни обругал словами грязными. На утро, как полагается, ворота дёгтем измазали, на этом всё и закончилось.

А Глаферья до Москвы всё ж дошла. На работу в гостинный двор устроилась, полы мыть, товары переключивать нанялась. Ночевала, по-первому, в ночлежках, потом дали ей и койку свою в подвале каменном, жалование положили за добрую работу, да характер укладистый. Вот так и прижилась она в столице. К осени родила Глашка мальчонку, да помер он через полгода от холода. Через десять лет она располнела, лицо всё красное, как морковь, стало. Но дела шли на лад, работала она уже при посольском приказе, управляла прислугой. Никому в любви не отказывала, родила четверых детишков, слыла бабой хозяйственной и не скандальной. Приходил как-то отец, денег на хозяйство просил. Мать уже померла, сёстры замуж повыходили. Об Андрюхе не слышать ни чего было. В общем, жизнь наладилась.

Как-то зимой, под вечер уже, постучал к ней в помещение солдат на одной ноге. Усищи седые, сивый такой, культяпкой стук-стук.

– Здеся ли проживает раба божья Глафира Бурдюгова?

– А чо надо– то, добрый человек, я она и есть.

– Знаком ли тебе, добрая женщина, Андрей Головин, Звени города уроженец?

Глафира так и ахнула: «Господи, откуда, что, жив ли, помнит ли, простил ли?»

– Проходи мил человек, присядь, отведай пици нашей простой. Может и вина хочешь испить. Если видел или слышал чего... Проходи в горницу.

Быстро накрыла стол, хлеба, капусты квашенной, яичко варёное да бутылку вина зелена и пару стопочек. Скинул солдат шинель, перекрестился истово на образа да и за стол присел.

– Ну со свиданьем, сохрани господь!

Выпили, закусили, солдат раскурил люльку свою казачью, пустил клубы душистого само-саду и начал неторопливо свой рассказ.

Встречал он де Андрюху в кровавом девятом годе в Полтавской баталии. Обороняли они град русский Полтаву от супостата свейского Карлы. Давыд, так звали солдата, денщиком был у барина своего, Алёшки, значит, Синельника лейтенанта знаменитого, а Андрюха в ополчении был. Отваги был несказанной. Швед, как его на валу увидит, разбегается во все стороны, крошил он его, супостата, саблей своей, как траву на лугу летнем. Алёшка его и к ордену представил. Славу он заслужил и любовь товарищей своих. Нрава был весёлого, но жгла его тоска, и мстью он горел лютою. Незадолго до освобождения, при последнем штурме, получил парень свой осколок под сердце. И перед кончиною своею, просил он Давыда разыскать любовь свою незабывную, да сказать ей, что никогда он зла на неё в сердце не держал, а токмо жалел очень, и характер свой клял, что не смог обиду свою побороть и жизнь наладить. Все годы об ней только и думал, ни одной бабы не попробовал, а мечтал только, что найдёт он её, любовь свою единственную... Да вот не пришлось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.